

ЗЕМНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

НАТА ЧЕРНЫШЕВА

СЕСТРА

ОГНЯ 3

Ната Чернышева

Сестра Огня 3

<https://litres.ru/74050751>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне пришлось пройти через многое. Бои без правил на Арене, безжалостные уличные драки, жизнь в разорванном времени, никакой надежды на возвращение

Но я не сдаюсь. Я найду любимого и затерявшуюся в запутанных хронопластах таммеотскую принцессу, несущую в себе третий ключ к блуждающим Вратам. Ведь только они способны вернуть нас всех обратно!

Враг? О, этот отыщет меня сам!

Себе на беду, разумеется.

Содержание

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ	4
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	32
ГЛАВА 4	46
ГЛАВА 5	60
ГЛАВА 6	73
ГЛАВА 7	87
ГЛ	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ната Чернышева

Сестра Огня 3

РАЗОРВАННОЕ ВРЕМЯ

Мне пришлось пройти через многое. Бои без правил на Арене, безжалостные уличные драки, жизнь в разорванном времени, никакой надежды на возвращение...

Но я не сдаюсь. Я найду любимого и затерявшуюся в запутанных хронопластах таммеотскую принцессу, несущую в себе третий ключ к блуждающим Вратам. Ведь только они способны вернуть нас всех обратно!

Враг? О, этот отыщет меня сам!

Себе на беду, разумеется.

ГЛАВА 1

Болела голова. Я шевельнулась, почувствовала под затылком что-то твёрдое. И достать бы, но в теле не осталось ни капельки сил. От слабости буквально вдавливало в землю.

Земля... Одно название. Каменистая неровность, не из самых тёплых к тому же.

Пахло костром, и тут же я уловила на слух характерное потрескивание. Так горит дерево, а ещё так бывает, когда на костре поджаривают что-то съедобное. Пришёл и запах, густой, мясной. Но вместо голода к горлу подкатило тошнотой. Я с трудом перекатилась на бок, чтобы не захлебнуться в собственной рвоте. Это простое движение отняло так много сил, что я, кажется, снова потеряла сознание на какое-то время. А рвота так и не пришла.

Да уж. Как мало, однако, надо для счастья! Чтобы тошнота не завершилась фонтаном тогда, когда ты меньше всего к этому готова.

Я попыталась сжать кулак, вызвать огонь. Ничего не получилось. Огня не было. Вообще. Сначала, по-видимому, надо придти в себя. Избавиться от проклятой слабости... А то что же такое, одно, не самое сложное, движение, и всё тело в поту, как будто ворочала весь день неподъёмные камни.

И опять я увидела копыта с выжженными прямо на роговом башмаке «солнышками». Их обладатель сел рядом – ко-

ленками назад, в другой раз посмеялась бы я над его позой, сейчас что-то на смех не тянуло вообще.

Откуда? Откуда рядом со мной взялся живой нивикиец? Ну откуда же, а?! Даже думать не хотелось о том, что бы это могло означать.

Парень, а не девушка. Так-то они тоже млекопитающие, не спутаешь. Да и волосы девушки носят не так. И лица у девушек тоньше, изящнее, потому как половой диморфизм выражен сильнее, чем у нас, Человечества.

Он помог мне сесть, опереться спиной о скалу. Я едва не потеряла сознание снова, но как-то умудрилась обойтись без провала в бездну. В руку мне сунули плоскую баклажку с питьём, а то, что мешало лежать, оказалось выгнутым уголком из полупрозрачного материала, похожего на топаз. Уголок нивикиец положил мне на колени. Всё молча, будто ему отрезали язык.

Я коснулась пальцами гладкой поверхности топазового уголка. Слабый отклик продёрнул меня в самый нерв: да это же кристалл с Геддарсу! Живой, хотя тоже пострадавший, как и я. Ой-й... Что он со мной сделает, если ему покажется, что его тут обижают?

Ничего. Уголок тоже хотел жить. Он всё понимал. Каким-то необъяснимым образом он понимал всё...

Где я? Что со мной? Слава всем галактикам, хоть на во-

прос «кто я» ответ имелся.

Ликесса Ламберт-Балина, студентка Старотерранского Ксенологического Университета, специальность «Космическая археология». Приехала на практику вместе с группой. И на той практике влипла. Сначала в любовь, затем в неприязности.

А где Томпаль?! Где клетчатая принцесска? Профессор Звёздочка где?

Здесь только я и этот копытный парень, а он молчит. Может, молчит потому, что его не спрашивают? А может, он – злыдень и молчит потому, что в гробу меня видал!

Я сжала кулак. Сначала не получилось, потом пальцы всё-таки подчинились мне. А вот с огнём ничего не вышло. Как в детстве, когда до пробуждения паранормы ещё не один год и так обидно ждать, когда повзрослеешь!

Сказать, что я испугалась, означало, ничего не сказать. С острым смертным ужасом я осознала, что меня постиг паранормальный срыв, и скоро я просто и безо всяких затей умру. Превращусь за несколько дней в дряхлую старуху и умру!

Волосы короткие, с затылка прядь перед глазами не вывесить. Зеркала нигде не наблюдается. Как понять, поседели у меня волосы или нет?! Эй, Стерегающий! Ты ещё здесь или свалил вместе с моей паранормой туда, где чёрные дыры крутят хвосты всем, мимо летящим? Я с трудом поднесла к глазам ладонь, всмотрелась в неё.

Контуры ящероголового пса не светились алым, как раньше. Они не возникли вообще. Но мне показалось на миг, будто они проявились – в негативе, чёрным по белому. Показались и тут же пропали, и убеди себя, Лика, что тебе не пришло в голову, что ты сама отчаянно захотела увидеть.

Кажется, от общей слабости и полного бессилия перед обстоятельствами я задремала. Когда очнулась, вокруг заметно потемнело. Начинаясь вечер. Никакой службы спасения, разумеется, близко не лежало. Зато перестук копыт по каменистой почве вернул меня в реальности.

Мой спаситель присел рядом со мной – коленками назад, было бы смешно, если бы не пугало до икоты.

– Саргеям, – сказала я ему по-нивикийски. – Привет.

Ну, хоть тут проблем быть не должно! Я знала язык, я говорила на нём с рождения – спасибо маме!

– Саргелоям, – отозвался тот.

Низкий голос – точно, мужчина. Но не очень-то этот парень взрослый, как мне кажется. Может, мой ровесник, может быть, чуть старше... или младше. Точно не понять.

Может, мы с ним поладим?

– Как друга называют люди? – спросила я.

Формальная вежливость плюс принципиальное отсутствие в нивикийском языке конструкций «я» и «ты», и всего, с ними связанного. Их никогда не существовало, во всяком случае, в дошедших до нас источниках точно ни одно не встречено.

О себе они говорили по имени или по роду деятельности. Или – характеристиками: светлый, тёмный, кривой, дурной, драный, сияющий... Ой нет, сияющий – это к знати, к тем, кто на вершине горы. На знать мой собеседник не походил нисколько. Знаки бешеного солнца – воин? Не священнослужитель точно, те одеваются совсем не так.

– Друга? – хмыкнул нивикиец. – Хозяина!

Меня будто кипятком ошпарило. Ещё рабыней мне здесь быть не хватало!

Уголок тут же развернулся на моих коленях длинной стороной в сторону нахала. Кристаллу тоже не понравилась идея угодить к кому-нибудь в качестве имущества. Насчёт имущества он прочитал моё настроение. А может, и сам понял.

Загадочная кристаллическая квазижизнь Геддарсу очень ценила личную свободу. Данные первой экспедиции подтверждали.

– Хозяина?!

Гнев мой эхом прокатился по пещере и, кажется, вроде как каменная земля под нами поколебалась. Я ему дам хозяина. Я ему покажу хозяина! Я забыла о своём состоянии, я обо всём забыла напрочь. Кулак мой опустился на землю, и камень под ним вдруг пошёл глубокими трещинами.

Ага, паранорма при мне! Только она приняла безогневую форму. Ну а то, пирокинез – лишь частный случай психокинеза, который предполагает в идеале полный контроль над

материей. Отлично, я не в претензии. Хорошенько вмазать можно и без огня. Главное, чтобы этот недомерок нивикийский усвоил расклад. И больше никогда не брал в свою тупую голову идею о том, чтоб посчитать меня своей рабыней.

– Камню хозяин, – сказала я ровным и злобным донельзя голосом. – Ветру. Солнцу. Грозе. Но над прошедшей через Врата хозяев нет. И не будет!

– Прошедшая через Врата хозяйкой не будет тоже.

Нивикиец положил руку на рукоять ножа, показывая готовность к драке. Не хочется в рабство идти? Ещё бы ему хотелось! Тогда какого лысого лопуха мне предлагал?!

Как сказать по-нивикийски «засунь свою свободу себе же в афедрон, мне она до звезды»? Я припомнила кусок стены, раскопанной нами в древнем городе. Помогло. Ишь, как у мальчика глаза к носу скосились! Зато всё понял, как надо.

– Теперь, когда вопрос владения решён, – сказала я, – возможен ли договор о ненападении? Ждать ножа в спину или не ждать?

Он стремительно выхватил нож, – и я невольно подалась назад, а ну как в глаз воткнёт да провернёт, выражение лица соответствовало! – но вместо нападения последовал жест, очень похожий на приветственный салют, как у военных.

– Небо видит, ветер слышит, земля знает, – торжественно сказал нивикиец. – Темнодар не ударит в спину Камнеломке. И поцеловал клинок.

Торжественно и красиво, и, Ликуша, смотри расклад: это

– серьёзно. Несколько странно давать такие клятвы той, которую едва не записал в рабыни, но спишем на загадочную нивикийскую душу.

А ещё он дал мне имя. Камнеломка. Впечатлило, как от моей паранормы растрескался заплывший землёй валун. Наверное, Темнодар уже встречал таких, как я, с паранормой. Хорошо представлял себе, на что мы способны. Вот и решил не ссориться без дела.

Я пообещала ему то же самое. В спину не ударю, но если нападёт – получит. И ещё я всё же решила не прятаться за прозвище:

– Камнеломку мама назвала Ликессой...

Красивое имя, я считаю, но ни один нивикиец его не произнесёт. Всё из-за первого слога, «лиййк» по-нивикийски – парень, младший воин, а я – женщина. Разрыв мозга. Представьте себе, что вашу сестрёнку зовут Мальчик.

Темнодар не стал исключением, и мы сошлись на Камнеломке.

– Друг Камнеломки умеет говорить?

Уголок к тому моменту вылез мне на плечо, спустив на спину длинный конец. А я в который раз удивилась тому, что мой новый нивикийский знакомый всё воспринимает как должное, как будто так и надо. Моя внешность его не пугает и не расстраивает, хотя я совершенно явно принадлежу совсем к другому народу. Уголок тоже не вызывает ступора, более того, его считают разумным.

Кристаллы Геддарсу действительно разумны, но просто так, при одном только взгляде на них, этого не понять.

– Это неизвестно, – ответила я на вопрос. – Но слова Уголок понимает, особенно обидные.

На моём плече потеплело: кристалл благодарил за защиту. Странное создание! Полноценной телепатией связь с ним не назовёшь, но я хорошо чувствовала его настроение.

Слабость уходила из тела. Всё ещё звенело в ушах и подташнивало, но я сумела встать и выбраться за пределы пещеры. Даже пещерой, пожалуй, не назовёшь, просто пространство под нависшей над головою глыбой, ограниченное слева громадным гранитным валуном. Впереди и справа – обрыв, что же ещё-то. И далеко внизу – зажатая между скалами долина с узкой блестящей лентой реки. Оба берега реки заросли зелёным лесом, лес поднимался и по склонам наверх, и только каменные вершины оставались лысыми. Но не были они и высокими: на них не лежали снежные шапки

Я искала взглядом хоть какой-нибудь намёк на город или небольшое поселение. Или хотя бы пашню. Или плантации плодовых деревьев. Пасущийся скот.

Ничего. Совершенно дикое, неосвоенное, безлюдное место. Но я хотя бы узнала зеленовато-синие деревья. Такие часто встречались в учебниках и художественных книгах, очень характерный силуэт, не спутаешь ни с каким другим.

Три-четыре ствола, реже пять, и один на всех купол кроны. Листья резные, длинные, свисают с веток пучками. Пол-

но белых бутонов, значит, сейчас весна или раннее лето. В небе – облака, почти без разрывов, и, кажется, скоро начнётся дождь.

Пахнет, во всяком случае, именно дождём, а ещё близящейся грозой. Глухое ворчание уже раздавалось откуда-то из-за спины. Грозовые тучи шли над скалами, отсюда увидеть их пока не представлялось возможным.

Удастся ли укрыться под каменным навесом от дождя? Может, и да, но всё зависит от ветра. А если хлынет сверху? Если самое страшное, что может быть в горах в грозу, оползень? Может быть, даже и сель, как пойдёт.

Я подняла голову и осмотрела нависшие над головой громадные камни. Мне они показались не слишком-то надёжными. Если гроза разгуляется не на шутку, то – ка-ак заскользит это всё в неудержимом обвале прямиком нам на головы...

А что внизу?

Отвесная скала и шикарный вид в духе «мокрого места не останется, если вдруг что». Даже голова закружилась. Я осторожно отступила назад. Оглянулась на своего неожиданного приятеля.

Нивикиец сложил руки на груди, подпёр плечом каменную стену и с усмешкой следил за мной. Он-то успел здесь уже всё осмотреть, даже успел что-то поймать на завтрак. Развести огонь, приготовить, накормить меня, поесть самому. Но сейчас следы костра были разровнены и тщательно

затоптаны. Не знаешь, где был очаг, не заметишь. С первого взгляда, во всяком случае. Если кто-то начнёт прицельно искать, зная, что здесь кто-то разводил огонь, он, конечно, всё найдёт.

И всё же я осторожно подошла к правому краю, заглянула и туда тоже. Вниз уходила узкая тропа, терялась в подлеске, потом выныривала из кустов гораздо ниже. Кто-то её протоптал. Значит, люди здесь всё-таки ходят. В смысле, носители разума...

– Что, путь только туда? – мне не понравилось, что из мышеловки дорога лишь в одну сторону.

– Темнодар не знает, что ждёт наверху.

Я подняла голову и ещё раз оценила уклон скал. Отрицательный. Без антиграва не взберёшься. Мне бы крылья, как у нашего капитана! Но нет.

– Через Врата должны были пройти ещё люди, – сказала я. – Ещё двое, даже трое. И один камень, – я подумала, что если встречу профессора Звёздочку, то уж как-нибудь объясню, что она не камень, а пока – что подделаешь. – Надо ждать!

– Открытие Блуждающих Врат – случайность, – просветил меня Темнодар. – Скелет останется от Камнеломки, а Врата всё ещё не проявятся здесь. Надо уходить.

По деревьям прошёл порыв ветра, и почти тут же ударил раскат грома, отдавшийся гулким эхом в камнях. Я вздрогнула. Гроза пришла к нам слишком быстро, я почему-то думала, что время ещё есть.

Небо заволокло чёрными клубами туч. Ветер, пока ещё сухой, швырнул в лицо пыль, сорванные листья, мелкий мусор. Нивикиец схватил меня за руку и потянул под защиту скалы. Я подчинилась, глупо стоять у обрыва и ждать ледяного града себе на голову. Но потом посмотрела на чужие пальцы у себя на запястье, – белое на чёрном, – потом на хозяина этих пальцев. Он понял прекрасно, руку убрал.

– Не надо прикасаться без нужды, – не совсем верная фраза, выстроенная с грамматической ошибкой.

Но мне важнее было донести смысл. Пусть смотрят на меня как на деревенщину, наплевать. Я не позволю к себе прикасаться без моего разрешения!

В разных областях Нивикии отношение к путешествующим в одиночку женщинам было самым разным. От дремучего «сидеть дома и бояться, на улицу – только с родственником мужского пола» до вполне себе терпимого «идёт себе куда-то и пусть идёт, её дело». От того, что огромная держава скроена была из цветных лоскутков-матавийков наживую белыми нитками, к женщинам-чужестранкам по умолчанию прилагалось почтение. А то среди них разные попадались.

В том числе и такие, что шею свернут за один только недобрый взгляд и скажут, что так и было.

В голове у меня вертелась каша из прочитанных романов и исторических сведений. Я попала в мир, где высоко ценились свобода и способность постоять за себя, причём сила духа вызывала уважение не меньше, чем сила физическая. И

здесь ставить себя надо было сразу. Вот прямо сразу, с первых же мгновений, как с этим рабством. Причём подкреплять свои слова яростной решимостью драться до конца.

До полной готовности убить или умереть, если на то пошло. И если умереть для меня не проблема всё же, хотя очень не хочется, то вот убивать...

Я осмотрела себя, пытаюсь понять, чем богата. У пояса по-прежнему висели два кругляша раздвижных шестов. Оружия не было, ножа тоже. Пламя над кулаком не возникало, но я не сомневалась, что удар моего кулака снова расколет камень. Странное чувство. Раньше я всегда в такие моменты чувствовала в себе огонь, теперь мой огонь будто бы заменило чем-то другим, намного опаснее.

... Широкий поток мутной воды полетел откуда-то сверху, мимо нас, в обрыв. Гром гремел уже без перерыва так, что закладывало уши. А потом и сверху хлынуло. Там, на небе, явно прорвало дамбу и затыкать брешь никто не торопился.

– Вода смывает все следы, – сказал Темнодар, усаживаясь под каменной стеной в своей излюбленной манере, коленками назад. – Плохо.

– О каких следах говорит Темнодар? – спросила я, устраиваясь рядом.

Уголок сполз с плеча мне на колени и затих. Ему не нравился дождь.

– Врата после закрытия оставляют след, – объяснил нивикиец. – Иногда... след можно стабилизировать. У блуждаю-

щих Врат след сильнее. Но гроза пришла сюда некстати.

– Как вода может смыть пространственный след? – изумилась я. – Искажения в пространстве ведь возникают, не в воздухе или там камне.

– Пусть Камнеломка раскроет глаза и уши, – усмехнулся нивикиец. – С неба льётся не простой дождь.

ГЛАВА 2

Как будто дожди бывают сложными! Я собралась уже фыркнуть, но что-то остановило меня. Что-то странное, на грани осознания, какое-то чувство, будто...

... будто разорванное моим проходом через блуждающие Врата пространство сейчас штопают и склеивают струи дождя. Гром как шило портного в стародавние времена прокалывает жёсткую ткань, молния снуёт сквозь отверстия проворной иглой, а следом тянется серебристая нить дождя...

– Темнодар и Камнеломка не успели, – размеренно продолжил нивикиец. – Вода – исцеляет, вода – лучший стабилизатор из всех возможных, После дождей подобной силы блуждающие Врата откроются теперь здесь уже очень скоро.

– Но там же друзья! – вскричала я, вскакивая. – Там мои друзья внутри остались! Да как же так-то!

– Дождь отменить Камнеломке хочется? – хмыкнул Темнодар. – Пусть Камнеломка попробует!

С подтекстом: посмотрю я, как у Камнеломки пойдёт, может, хоть посмеяться с неё, невежи этакой, получится.

– Темнодар думает, ничего не выйдет? – яростно крикнула я, перекрывая голосом очередной громовой раскат.

– Темнодар знает, – поправили меня. – Пусть Камнеломка сядет и не тратит цветы душевной печали на бесполезные

прыжки.

Я упёрла руки в бока и внимательно осмотрела своего нивикийского приятеля. Одет, как воин. Бешеное солнце – воинский знак! – у него на одежде и даже на копытах выжжено. Но больно умный он для воина. И, похоже, отлично разбирается в том, как работают Врата.

– Друзья Камнеломки остались во Вратах, – сказала я. – Найти надо. Спасти!

Темнодар лишь пожал плечами, очень по-человечески. Я лопнула от злости, а потом села рядом, обхватила коленки руками. Я не знала, что делать! Я не знала, где и как искать Томпаля. А уж теперь, когда проклятая гроза полностью смыла след отработавших Врат, тем более не знала, как мне быть.

Я хочу домой! Я хочу найти всех, и – домой! Больше я ничего не хочу. Видит небо, о таких приключениях я не просила совершенно. Изучать чужой народ замечательно, когда у тебя за спиной вся мощь твоей цивилизации. А когда ты одна... правда, с паранормой... но всё равно одна.

Страшно.

Страшно и азартно одновременно.

Я попала в Нивикию! С ума сойти, в Нивикию угодила, кому рассказать.

Невозможно, тут же поднялся во мне голос логики. Время обратного хода не имеет. Скорее всего, Врата отработали в пространстве, как станция GVS, и перекинули меня туда, где

живут потомки нивикийцев. Те, кто уцелел тогда во время страшного мора или вторжения или что это такое было, что выкосило тогда их всех в один момент и сразу. Точнее, всех, о ком стало известно нам.

Судя по Темнодару, какая-то часть древнего народа спаслась.

А мне-то какая разница? Во времени я потерялась или в пространстве, какая разница, если не придут и не спасут? Теперь я буду жить здесь совсем одна. Как-то. Как?

Но и на этот вопрос я не знала ответа.

Гроза между тем успокаивалась, утихала, уползала за скальную гряду, отделявшую низину от остального мира. Что там, за каменным хребтом? Может, город. Может, снова пустынная местность. Но Темнодар прав: здесь оставаться нельзя.

Ни крыши над головой, ни еды, ничего. Природная пастораль. И огонь ещё ко мне не спешил возвращаться, что напугало. Ломать камни – это прекрасно, но не иметь возможности вскипятить воду – довольно грустно. И защиты от лесного пожара, похоже, тоже нет. Вот как влупит молния в сухое дерево...

Я поёжилась, отгоняя ненужные страхи. С ума сойти от воображаемых бедствий мне только ещё не хватало!

От отчаяния и слёз я сама не заметила как провалилась в тяжёлый сон. А очнуться пришлось от резкого укола страха. Я резко села, и обнаружила, что Уголок воткнул в меня свой короткий, острый конец. И ещё добавил электричества, поганец!

Я отодрала его от себя, еле сдержав порыв швырнуть куда подальше. Ведь если припомнить предшествующие открытию Врат события, то кристалл так-то имеет полное право предъявлять претензии.

Небо очистилось, и над изломанным горным хребтом разлилась полоса тёмно-розовой вечерней зари. Звёзды ещё не проступили на небе, но мир дышал сумраком и вечерней прохладой. Деревья стояли неподвижно. Несмотря на бушевавшую недавно грозу, ветер улёгся совсем. «Чиквирк, чиквир, вир, квир», – трещали по кустам какие-то насекомые. Звук показался мне незнакомым и знакомым одновременно, а вот второй укол от Уголка – отменно лишним.

– Сдурел? – зашипела я на противный кристалл.

А потом увидела. И тут же вскочила на ноги, срывая с пояса раздвижной шест.

Потому что впереди Темнодар отчаянно бился с двумя рослыми врагами, молча, свирепо и отчаянно. Кто они, я разбираться не стала. Свои нападать не вздумали бы.

– Стоять! – заорала я, раскручивая шест.

И тут на меня сверху набросились ещё несколько негодяев. Я не успела понять, сколько именно, двое или трое. Неко-

гда стало думать вообще. Тело вспомнило свирепую науку Ана и действовало почти без участия сознания, на одних рефлексгах.

Клянусь, я не хотела убивать! Никого! Но когда на тебя лезут с явным намерением вспороть кривыми ножами сверху до низу, ты понимаешь, что это не весёлая тренировка с родичем, а бой без правил на выживание. Или ты. Или тебя!

Нападающие оказались такими же нивикийцами, как Темнодар, и лягались они будь здоров. Я едва не пропустила удар окованным железом копытом прямо в подвздошь. Пришлось выгнуться до предела, ещё немного, и коснулась бы затылком земли. В жизни никогда не подумала бы, что смогу во что-то подобное!

Враг не ожидал от меня такой прыти и посунулся вперёд, и я добавила ему шестом по хребту, а второго безо всяких затей двинула кулаком в висок, как учил Ан.

Сквозь руку прошло некое напряжение. Я по привычке ждала огня, но вместо огня проявилась сила, давшая мне прозвище: голова негодяя раскололась, веером расплескав вокруг содержимое.

Меня едва не стошнило снова, но второй враг не дал упасть в переживания. Смерть товарища его обозлила. Он наставил на меня нож и бросился. И опять я разминулась со смертью всего лишь на волосок. Зато в моменте увидела вражьих глаза, очень близко. Зрачки, горизонтальные, как у всех копытных, были расширены до предела, и в их черноте них

отражалось небо. Светлая радужка оставалась лишь совсем уже узкими полосками сверху и снизу.

Нивикиец перед боем явно принял на грудь какой-то боевой коктейль. Как и его приятели, надо думать.

Ан, дорогой мой брат, никогда больше не буду ругать тебя ни за какие затрешины, подзатыльники и заушины во время тренировок! Спасибо за науку, родной! Без тебя я сейчас пропала бы.

Враг развернулся, копыта высекли из каменистой земли искры, и пошёл на меня. Страшен и силён, но вещества подобного толка всегда влияют на мозги, и не в лучшую сторону. Я перехватила шест поудобнее и ждала. Страх скручивался в животе ледяным склизким комом, но важно было подстеречь нужный момент.

Чтобы в голову. Как первого. Чёрные дыры с огнём, раз уж пропал, но пришедшая ему на замену сила оказалась не хуже. Шутки Стерегающего, не иначе. И разбираться с ними сейчас некогда.

Прыжок, уход в сторону, шестом по голове... а не вышло, попала в плечо, и рука врага тут же повисла плетью, пальцы разжались и нож, обиженно звякнув, улетел за пределы поляны, в пропасть.

Свист, удар шестом, на этот раз в голову, нивикиец успел поставить блок одной рукой, но паранорме оказалось едино, что пробивать, одну голову или руку вместе с головой. Брызги разве что получились скромнее.

Я оглянулась, где Темнодар? Темнодар вытирал клинок об одежду одного из трупов. Ещё трое валялись поодаль. Всё. Отбились.

Я поставила шест торцом в землю, наполовину сложила его и опёрлась на него, поражённо осознавая, что времени прошло всего ничего.

Всё тот же вечер, и заря почти не остыла. А сколько смертей вокруг. Воспринимать распадающиеся ауры противников было очень тяжело. Я встряхнула головой, пытаясь загнать под крышку разгулявшееся паранормальное восприятие. Получилось не сразу.

Темнодар встал рядом, зацепил за пояс отставленные пальцы своих рук.

– Камнеломка не самый худший боец из всех, кого Темнодар видел.

Я кивнула, узнавая знакомую формулу похвалы. Сколько раз я её читала в разнообразных нивикийских развлекательных романах, и вот услышала сама, и как же глубоко прозвучало.

Камнеломка. Я. Убившая двоих. Назвали не худшей, значит, признали лучшей.

А можно мне домой? К маме?

Мы спустились вниз по склону. Темнодар запретил брать

оружие поверженных врагов, сказал, что там могут быть следящие метки. Я не стала спорить, ножи у них были не из хорошего материала. С ножом Ана не сравнить. А весили они изрядно.

Мы устроились возле негромко звеневшего ручья. Вода текла каскадами, из одной каменной чаши в другую. Сам поток был порождением отбушевавшей грозы, в сухие дни вместо него здесь просто сочилось что-то некрупными каплями. Темнодар безо всяких затей сунул голову под один из таких каскадинов. Я последовала его примеру.

Холодная вода вначале обожгла, будто кипятком, но потом пришло облегчение. Я села там, где стояла. Напряжение недавнего боя начало отпускать, у меня задрожали руки, причём так сильно, что пришлось сцепить в замок пальцы и прижать к себе. Всё равно получалось плохо.

– Кто напал на Темнодара? – спросила я, старательно выговаривая каждое слово.

А то ещё и зубы взялись постукивать, ну куда это годится.

– Храмовники, – объяснил мой спутник. – Служители Белоголового Паука. Что ж, теперь хотя бы ясно, в какой матавийк открылись блуждающие Врата.

– В какой же? – спросила я.

– В тот, где контроль над Вратами в руках у белоголовых.

– Как ясно и понятно всё! – съязвила я. – У белоголовых разве один матавийк?

– Много, – не стал спорить Темнодар. – Но гораздо мень-

ше, чем во всей Вселенной.

Он протянул мне ладонь, разжал пальцы. Тусклый отсвет сумеречной зари на металле – кругляш свёрнутого раздвижного шеста. Я выронила его там, наверху, и не заметила, когда. Даже вспомнить не смогла, когда! Вот я стояла, опираясь на шест, вот мы пошли вниз... уже без шеста...

Я осторожно взяла шест с ладони нивикийца, прицепила его к поясу:

– Благодарность Темнодару.

– Оружие терять нельзя, – укорил он меня. – Камнеломке ещё не доводилось убивать?

– Тёмное небо, – высказалась я в сердцах. – Один раз всего, и с Камнеломки хватило. Камнеломка не убийца. Убийства не нравятся Камнеломке! Смерть – это страшно, жутко, кошмарно, ужасно. Камнеломка не хочет больше убивать, никогда в жизни!

– А придётся, – хмыкнул Темнодар.

– Нет! Можно же решить миром! Договориться! Слова имеют не меньшую силу, чем удар ножом по горлу!

– Пусть Камнеломка расскажет белоголовым, – язвительно посоветовал нивикиец. – Найдёт такие слова силы, что успеет сказать прежде, чем голова покатится в другую от тела сторону!

«Кук, кук, кук, – раздался вдруг замогильный голос, от которого кровь мгновенно застыла в жилах. – Кугухук, кугухук, ук, ук, ук!»

Я выхватила шест, он мгновенно раздвинулся в полный размер. Животное? Птица? Враги?!

Ночной лес давил своей массивностью. Сверху деревья казались игрушечными. Отсюда, снизу, их кроны казались мрачными чёрными гигантами, перекрывавшими небо. К первому, вопящему дурниной голосу присоединился второй. Какое-то время существа яростно перекрикивали друг друга, соревнуясь в том, кто кого переорёт, а потом замолчал сначала один, а за ним и второй.

И тогда зазвучал мерный стрёкот каких-то ночных насекомых. Или не насекомых. Скрипы, шорохи, какие-то тени, тёмные на тёмном, снова кугух, только далеко...

– Камнеломка думает, что из леса придут звери, – сказала я, стараясь, чтобы голос не слишком дрожал. – Разорвут. Съедят...

– Подавятся, – мрачно пообещал Темнодар. – Сюда.

В его руке зажглась палочка люминофора. Во всяком случае, свет она источала почти такой же, как наши люминофоры, резкий, химически-жёлтый. Что ж, по крайней мере мы не переломаем себе ноги. И, может быть, не наступим на какую-нибудь змею...

Гроза ушла, но вслед за нею пришла влажная духота мокрого после проливного дождя леса. Я обливалась потом, замучилась утирать лоб, чтобы не текло в глаза. Мне, конечно, подошёл бы лёгкий морозец с небольшим снежком, как нередко бывало у нас летом на Старой Терре. Вот только кто

мне здесь отгрузит вождеденный холод. Не белоголовые же! Терпи, Ликесса, капитаном будешь.

Недалеко от каскадного ручья обнаружилась узкая и, к счастью, сухая пещера, не занятая никем из местных обитателей.

Мы осторожно протиснулись в узкую щель и попали в небольшое пространство, образованное несколькими валунами. Дикий грозовой ливень не сумел превратить её в подобие сырого подвала, он сюда попросту не попал, обтёк по краям. Очень удачно.

Когда-то давно здесь прошёл мощнейший оползень, он нагромоздил друг на друга огромные скальные обломки. С тех пор они обомшели и заплыли скудной горной почвой. По боку одного из камней тянулись мелкие серебряные цветочки. Они слегка светились в темноте.

Я смотрела на них и не могла оторваться: до чего же красиво! Мрак, камень, враги кругом, неизвестно, чего ждать. А здесь доверчиво раскрывают тоненькие полупрозрачные лепестки маленькие цветы.

Я вскинула голову. Мне показалось, будто в отдалении снова начала ворчать гроза.

– Если ливень вернётся, здесь, возможно, затопит всё, – сказала я.

– Ночью по горам не ходят, – отрезал Темнодар известной истиной, за которую немало неудачников заплатили переломанными конечностями и свёрнутыми шеями.

Он погасил люминофор, свернув гибкую трубку в колечко, и наступила полная темнота, из серии «хоть глаз коли». Но всё же какой-то свет здесь существовал, хоть и очень слабый. По мере того, как постепенно привыкали к мраку глаза, я начала замечать островки света из всё тех же серебряных цветов. А высоко над головой свешивались откуда-то сверху цветы покрупнее, уже размером с фалангу большого пальца. По форме они напоминали детские фонарики и светились тревожным оранжевым огнём.

Оранжевый относится к тёплой части спектра, некстати вдруг вспомнилось мне, но здешние цветы умудрялись источать холодный оранжевый свет. Не могу объяснить! Впечатление от них создавалось именно такое.

– Темнодар бывал здесь раньше? – шёпотом спросила я, в голос говорить остереглась.

– В матавийке Белоголовых? – хмыкнул нивикиец. – Очень смешно.

Я прикусила язык. Похоже, мы попали в мир, где орудует какая-то религиозная хрень. Белоголовый паук. Чёрные дыры, почему я так плохо слушала профессора Сатува? Отчего пропускала мимо ушей лекции доктора Кармальского? Уверена, они знали об Белоголовом Пауке-боге всё!

Что мешало мне расспросить их тогда, когда была у меня такая возможность? Но откуда же я могла знать, куда меня занесёт через проклятые поломанные Врата!

Уголок вылез мне на голову. Где ж он прятался-то во вре-

мя драки?! Где-то на мне, однозначно. Да тихо так, что я о нём даже думать забыла, пока он себя сам не обозначил. Я осторожно стянула кристалл вниз. Получила заряд возмущения, мысленно ответила тем же самым. На плече сиди, можно. А на голове у меня тебе делать нечего!

И не возмущайся! Мы тут в одном взбесившемся шаттле. Будем трепать друг другу нервы, пропадём. Понял ли что-нибудь разумный кристалл, я не знала. Но больше он ко мне на голову не лез.

Делать в каменном мешке было абсолютно нечего. Я села, прислонилась спиной к скале и потихоньку начала дремать. Мне снилась мама. Она смотрела на меня с укоризной и качала головой, а я почти слышала её грустный голос: «Опять тебя потянуло на подвиги, Ликуша». Мне снился Снежин. Он просто смотрел на меня, с извечным своим выражением на каменном лице: «Ну-ка, скажи что-нибудь, чтобы оно прозвучало донельзя глупо». А потом мне приснился Ан.

Мы были после спарринга, оба в мыле, в каком-то-то безвременьи. Я ничего не могла разглядеть за спиной брата, там стояла сплошная муть.

– Ищи Сияющий на Холмах Град, Лика, – сказал брат, так отчётливо, как будто и не сон свёл нас обоих вместе. – Там есть Врата, свободные от власти белоголовых.

– Где его искать, Ан! – в сердцах сказала я. – Ну где? Мы в какой-то местными богами забытой дыре, в горах, здесь даже маленьким посёлочком не пахнет, а ты говоришь мне

про целый город! Прошёл дождь, гроза смыла все следы, а рядом со мной нивикиец, Ан! Целый настоящий нивикиец, можешь себе представить?

Но Ан не отвечал мне. Он уже уходил, растворялся в тумане, и я побежала за ним, спотыкаясь, плача и требуя, чтобы он забрал меня с собой, обратно на Геддарсу.

А потом что-то зажало мне рот и лишило дыхания. Я дёрнулась, и обнаружила вдруг, что рот мне закрывает ладонь Темнодара.

– Тихо, – скомандовал он, заметив, что я проснулась.

Я отчаянно закивала. Нивикиец меня понял, хотя, как я запоздало сообразила, у них кивают, когда говорят «нет», вообще-то. Темнодар убрал руку. Приблизил губы к моему уху и прошептал:

– Белоголовые идут.

Я замерла, забыв дышать. Теперь и я услышала шаги где-то наверху, над нами. Идущие – их явно было несколько – не торопились. И не скрывались. Они перекликались между собой на резком, гортанном, бряцающем наречии, вообще не имеющем никакого отношения к нивикийскому и его вариантам. Я не поняла ни слова, разве лишь по интонации можно было догадаться, что они ругаются. Между собой или в целом на ситуацию, не понять.

Белоголовые. Враги.

И они приближались.

ГЛАВА 3

Мы сидели тихо-тихо, забыв даже дышать. Это оказалось невероятно сложным делом, сложнее, чем сдавать экзамен безжалостной учебной нейросети университета.

Над головой цокали без конца копыта, в щели сыпался всякий мусор. Выскочить бы, прибить бы их там всех... Ключевое слово «всех».

«Все» – глупо думать, будто это всего-лишь двое-трое. А если десять? Двадцать? То-то же.

Потом сверху зажурчало и полилось. Не дождь.

Темнодар зажал мне рот ладонью снова, так что я не успела совершить глупость – завопить матом во всё горло. Уголок свирепо зашевелился на моём плече, но я мысленно донесла до него, что треснуть и сломаться куда неприятнее, чем вот это... этот... эта гадость биологического происхождения! Разумный кристалл притих. Разламываться на части ему очень не хотелось.

В щель ударило ярким холодным огнём фонаря. Но, к счастью, мы вжались в камень там, куда поток ослепительного белого света не доставал. Протискиваться внутрь в узкую воющую щель и осматривать всё изнутри никто из белоголовых не пожелал.

Они бродили над нами до утра. Ушли вниз только тогда, когда в щели начал просачиваться жемчужный свет нового

дня. Но мы с Темнодаром и Уголком ещё долго сидели неподвижно, опасаясь высовываться.

Вот так выползешь под солнечный свет и попадётся тем, кто припоздал и спускается сверху только сейчас...

В какой-то момент в лесу разом проснулись и заголосили птицы. Или кто здесь был вместо птиц. «Тиривинь-тиривинь», «чик-чок», «чечече» и уже знакомый «кугух», который, как оказалось, прекрасно способен истошно орать не только во мраке. Круглосуточный концерт, так сказать, по вашим заявкам.

Мы посидели ещё немного, и решились выйти. Никто нас не схватил. Похоже, преследователи взаправду ушли. Вот бы с концами ещё. А то вдруг им в голову придёт вернуться обратно тем же путём...

Я долго, яростно, со слезами отмывалась в ручье. Вода была ледяной, что полбеды, я привычная. Но никакого же шампуня или мыла! Вот где беда. Запах преследовал меня, мне всё казалось, что от меня разит на добрый парсек.

Темнодар нарвал каких-то листьев, намял их и показал, как надо втирать их в волосы. Горьковатый хвойный запах, слава всем звёздам Галактики, переборол наконец-то мерзкую вонь, но лишь после того, как я тщательно промыла голову в четвёртый раз.

С одеждой оказалось сложнее. Надо бы снять, чтобы постирать. Но Темнодар обязательно будет пялиться, уверена! У него вообще никакого изумления и страха от моего внеш-

него облика не возникло, а ведь мы очень сильно различаемся. Скажем так, встретить друг друга за чашечкой кофе в нашем археологическом городке было бы невозможно. Нет в известной нам Галактике никаких нивикийцев. Даже тех, кто в близком родстве с ними, нет.

Логично было бы и обратное, нивикийцы не должны бы знать людей и спокойно относиться к нашему внешнему виду. А вот. Темнодар относится так, будто жил среди людей многие годы.

Но не могла же я попасть через те Врата сразу на десять тысяч лет назад?! Немыслимо же!

Я по-прежнему считала, что перенос случился в пространстве. И отчаянно пыталась понять, как же вернуться обратно. Не через Врата, я не умею ими управлять, никакой гарантии, что они откроются куда надо, у меня нет. Здесь есть выход в космос? Хоть какой-нибудь, хотя бы на орбиту.

А ещё нужно найти Томпаля, профессора Звёздочку и Ра-виной. А ещё враг где-то тоже бродит. Томпаль лишил его Имени, но злости и ненависти лишить не мог, не в его власти, он ведь не перворанговый телепат.

Бедная моя голова! До того распухла вопросами, что того и гляди сейчас лопнет.

– Пусть Темнодар отвернётся, – потребовала я от своего спутника.

Он сложил руки на груди и медленно усмехнулся, словно бы спрашивая всем своим видом «а с чего бы вдруг?»»

– Иначе Темнодару придётся нюхать одежду Камнеломки всю дорогу, – объяснила я.

Аргумент подействовал. Нивикиец повернулся ко мне спиной, сцепил на пояснице руки.

Я долго полоскала рубашку в ледяной воде, всё мне казалось, что запах остался. Мерзкий аммиачный запах мерзавцев, не придумавших ничего лучшего, чем отлить мне на голову! Этика космического археолога предполагала относиться к разным ксеносам непредвзято и беспристрастно, как полагается учёному. Но служителей Белоголового паука я начала искренне и от души ненавидеть.

Какой бы замечательной ни была адаптация к холоду у носителей пирокинетической паранормы, а надевать на себя мокрую вещь и потом в ней ходить, пытаясь высушить на себе, – не самое приятное дело. Огонь так и не вернулся ко мне даже в виде тепла с ладоней. Прогреть мокрую тряпку не получится, хоть плачь.

Уголок залез в воду весь целиком и таинственно мерцал оттуда. Я не помнила, чтобы кристаллы Геддарсу любили воду. Но какие-то из них жили в воде, вроде бы как. Я пожалела, что так мало ими интересовалась. Сейчас бы знала, что от Уголка ждать. Пока он не проявлял к нам агрессии, но кто ж его знает. Я ношу на плече гранату, к сожалению. И лучше бы мне об этом не забывать.

– У Темнодара есть планы? – спросила я у нивикийца, натянув всё же на себя мокрое.

А куда было деваться. Другой одежды у меня здесь нет, и появится она нескоро.

– Может быть, планы есть у Камнеломки? – перекинул он мяч обратно.

– Какие планы, – с досадой высказалась я. – Камнеломка здесь чужая.

– Темнодар тоже издалека.

– Весело, – уныло выразила я общее мнение.

– Камнеломка шутит. Хорошо. Значит, Камнеломка будет жить.

– А если без шуток? – спросила я. – Что делать?

– Темнодар не знает, – серьёзно ответил нивикиец. – Мысли Темнодара – надо спуститься вниз. Идти вдоль реки или берега, если за горами есть море. Люди ставят поселения и города у воды...

– И белоголовые тоже, – мрачно добавила я.

– Белоголовые тоже.

– Может, удастся как-то запустить Врата? – с надеждой поинтересовалась я.

– К Вратам нужны ключи. У Камнеломки есть ключи?

– Откуда...

Я подумала растерянно, о каких ключах он говорит? Если ключ – кто-то живой и разумный. У нас были я, Равиой и Томпаль. А здесь, получается, есть только я, «батарейка», обеспечивающая Врата энергией. Причём изрядно подсевшая батарейка. С которой пока толку, как с выброшенной на

берег пятнистой медузы.

– Драться Камнеломка умеет, – задумчиво выговорил нивикиец.

Я пожала плечами. Моё умение очевидно, без него вчера бы не отбились.

– Умеет, но не любит, – всё же уточнила я, на всякий случай.

– Если бы Темнодар делал только то, что любит... – и вдруг, безо всякого перехода, даже не меня выражения лица негодяй выхватил из ножен, висящих у пояса, здоровенный нож и замахнулся им на меня.

Клянусь, если бы не уроки Ана, клинок воткнулся бы мне в кишки по самую рукоятку! Я успела отпрыгнуть и завопила:

– Темнодар сдурел?!

– Если Камнеломка не защитит себя сейчас, то умрёт потом. Так какая разница, сейчас или потом?

И он сделал ещё один выпад, настолько стремительный, что движение размазалось в воздухе.

Я провела несколько очень неприятных минут, уворачиваясь от проклятого ножа. Клинок летал буквально повсюду, я даже шест активировать не могла – стоит замешкаться хотя бы на мгновение, и всё. Что на нивикийца нашло? Какой

чёрной дыры он надумал вдруг взбеситься?!

А в бою он оказался хуже Ана. Брат всё-таки щадил меня. Гонял безжалостно, но щадил. Этот же никаких родственных чувств ко мне не питал.

Каким-то чудом я успела сорвать с пояса кругляш шеста. Клинок и шест с лязгом встретились, аж искрами брызнуло. На вдохновении и злости я проделала всё идеально. Нож полетел в сторону, но треснуть Темнодара по его нивикийской тылке я остереглась, потому что не хотела, чтобы его голова разлетелась на ошмётки. Может, он объяснит, в чём дело? Всё-таки мы с ним в одной команде!

В драке он меня превосходил значительно. С Аном бы его свести, что бы оба запели тогда!

– Темнодар без оружия, – сказала я, прокручивая в руке шест. – Пусть Темнодар не играет в героя. Поединок завершён.

– Хха! – выдохнул нивикиец и прыгнул.

Я опять забыла про копыта. Про то, что ногой с копытом вместо ступни лягнуть можно от души, да так, что дыхание выбьёт надолго. Теперь уже и я осталась без шеста, даром, что у пояса подвешен второй. Его ещё выхватить надо! И активировать. Две-три секунды, за которые летящая к моему горлу рука просто вырвет мне глотку.

Я вскинула руки, ставя блок. Мне конец, но пусть гад не думает, что я сдаюсь! Злость не давала мне свернуться в позу покорности. Злость и почерпнутое из нивикийских же кни-

жек знание про то, как можно угодить в пожизненное рабство: продуть поединок. Лучше смерть, чем потеря свободы! Лучше умереть, чем заживо гнить на коленях!

Кулак Темнодара врезался в моё предплечье. Меня отбросило в сторону, я удивилась тому, что ещё жива... И вдруг увидела, как в воздухе разливается алое и ослепительно белое сияние.

От наших рук.

На мгновение между нами проявились белая молния и багровый силуэт ящероголового пса. И тут же пропали. А мы уставились друг на друга и одновременно выдохнули:

– Тень!

– Стерегуший!

Да чтоб я сдохла! Что здесь происходит?

Нивикиец подал мне руку, помогая подняться. Другую руку, и я сообразила, взялась за его ладонь тоже не той рукой, где прятался в ладони Стерегуший. Проклятые копыта! Дышалось мне не очень. Сволочь, да он же убить меня пытался! По-настоящему убить. Только знак Стерегущего и остановил. Надо думать. Куда ему выбираться отсюда без Стерегущего?

– Камнеломка прошла Врата не одна, – сказал он. – Кто прошёл Врата тоже? Мертвы? Живы?

– Камнеломка не знает, – сообщила я.

А сама виновато вспомнила Равиойку. При тех травмах, что у неё, она могла и не выжить. Ну и что, что являлась ко мне из пространственно-временных разломов! Сейчас история пошла на очередной круг, а это значило, что всё может свернуть куда угодно и когда угодно. Кольцо испорченного времени может разорваться в любой миг. Будущее снова не определено.

Может, в том варианте, где Равиой выжила, надо было, чтобы нас схватили Белоголовые! А они не схватили. С ума просто сойти, мозги из ушей текут. Как это всё уложить в голову? И умных книг нет, прочитывать негде.

– Триада Темнодара не выжила, – вдруг сказал нивикиец.

– Темнодар один. Камнеломка тоже одна?

– Камнеломка не знает, – повторила я. – Надо искать. А как искать, Камнеломка не знает тоже. Что случилось у Темнодара?

– А что случилось у Камнеломки?

– Камнеломка первая спросила!

Нивикиец хмыкнул.

– Тогда пусть будет так: напали враги.

Я вспомнила врага. Я знала его имя, но имя не пришло на ум. Он захватил в плен Равиой, нашу Тень, и Томпаль лишил его имени. Положим, не только за это. Но, по-видимому, это и есть причина, по которой я не могу вспомнить его имя.

– Напали враги, – согласилась я с нивикийцем.

Дышать по-прежнему было больно. Проклятые его копыта! Надо учесть в другой раз, когда драться придётся.

– И здесь враги, – сказал Темнодар. – Слуги Белоголового Паука-бога. Чужой народ. Кругом враги. Камнеломка же чересчур беспечна и не умеет бить.

– Не умеет бить! – фыркнула я, и тут же прижала руки к животу: больно! – У Темнодара прекрасная луна под глазом, – я сделала над собой усилие и показала размеры синяка.

Так на нивикийском звучало поэтическое название крупного синяка. Луна. Было и неприличное слово, но его я постеснялась употребить.

– Драться может, а бить – не умеет, – невозмутимо объяснил он. – Луна пройдёт. Снесённая голова уже не проходит, никогда. Ни один лекарь назад уже не приставит!

– Камнеломка, – сказала я, – не собиралась сносить Темнодару голову!

– А зря. Может быть, удалось бы тогда Темнодару избежать дальнейших мук.

Настроение у моего невольного собрата по несчастью невесть с чего скакнуло в депрессию. Ему бы радоваться, что мы с ним вдвоём – аж целых два ключа к Вратам. Но нет.

– Эй, – сказала я. – Не вешать нос. Победа не любит соплей!

Темнодар дёрнул плечом и отвернулся.

Уголок вылез наконец-то из воды, перебрался ко мне поближе. Двигался он смешно, но ловко, на концах, как школь-

ный циркуль, когда им измеряют расстояние длинной прямой. Разумный кристалл взобрался по моей ноге и прижался к месту, куда приложилось нивикийское копыто. Мне сразу же стало легче.

Я осторожно погладила его по поверхности, в благодарность. Ко мне пришло ответное тепло. Ещё один сирота-потеряшка. Не буйный, наоборот, полезный, лечит вот. А ведь я за него в ответе, подумалось мне. Как за младшего брата, что ли...

Темнодар встряхнулся, отменяя в сторону момент слабости. Я восхитилась, потому что сама пребывала в полнейшей панике и что с ней делать, не очень знала. Всё же это только слова, про победу не для сопливых. Даже не мои слова, а моего двоюродного брата Ана.

Со словами против оружия, которое наверняка взяли с собой на охоту за нами Белоголовые немного навоюешь.

– Надо уходить, – сказал Темнодар.

– Как? – живо заинтересовалась я.

Встречаться с врагами очень не хотелось. Я, в той щели сидючи, чтоб она сгорела, отчётливо воспринимала их эмоции. Любви к нам там не было ни на грамм. Может, и был приказ брать живыми, но никто не запрещал бить и издеваться. В меру. Не до смерти и не до предсмертного состоя-

ния, но боли мы с Темнодаром совершенно точно наедемся от души.

Боль меня пугала.

Впервые в жизни я оказалась перед простым фактом: у меня есть враги и они меня заранее не любят. С ними не договоришься. С ними даже драки не выйдет. Такой, знаете ли, красивой пафосной драки, когда продаёшь свою жизнь за десяток вражьих.

И одну не успеешь. И «мама» пискнуть не успеешь. Не то, что...

– Почему Белоголовые злые? – спросила я у Темнодара.

– Белоголовые контролируют Врата, – совсем по-человечески пожал плечами нивикиец. – И не любят, когда то же делают другие. Кто владеет Вратами, тот владеет миром.

Не поспоришь. Но...

– Врат же много, – осторожно предположила я.

– Неподвижных, стабильных – да, но управляются такие Врата единой Тенью. Могут управляться так. У Белоголовых получается.

– А блуждающие?

– Такие Врата Белоголовые уничтожают. Вместе с их Тенью.

– То есть, Камнеломка ещё может выжить, а Темнодару точно крышка.

– Крышка? – не понял он сленгового выражения, бытующего на Старой Терре.

– Смерть, – расшифровала я.

– Смерть, – угрюмо кивнул он. – Истинно так. Но и Стере-
гущий пусть не радуется. Дело Стерегающего – копить и рас-
пределять энергию, потребную для раскрытия Врат. Энер-
гия приходит безо всяких условий. Посадить на цепь и дер-
жать, пока не наступит истощение. Крышка.

Да тут как бы не вообще полярный лис, эндемик моей пла-
неты, подумалось мне. Можно ещё и нивикийских слов на-
сыпать, Темнодар поймёт. А толку. Не ругаться в пустоту, а
прыгать надо!

– Надо уходить, – сказала я, мне стало очень и очень не по
себе. Как можно быстрее. – Блуждающие Врата где-то здесь,
Темнодар хочет уйти через них? Куда угодно, только не к
Белоголовым?

– Пусть Камнеломка посмотрит на свою руку.

Я посмотрела. Контуры ящероголового пса вновь просту-
пили на ладони, тонким багровым отсветом.

– Скверно.

– Совсем?

– Да.

Проклятье. Где же взять энергию, если её нет? Паранорма
пирокинеза использовалась нами вовсе не для накопления.
Наоборот, огневую мощь необходимо было разумно тратить
и гасить, иначе она, накапливаясь, приводила к неконтроли-
руемому выбросу сил. То есть, к разрушениям. Самым раз-
ным. Слухи ходили, что даже звезду сколлапсировать мож-

но, такими мощными бывали порой подобные выбросы.

Паршивые из нас батарейки вышли, что ни говори.

Какое счастье, что на заре становления паранорм, когда никто не знал, что они такое, и не умел с ними работать, наше Солнце не взорвалось! Ведь могло.

У нивикийцев, выходит, была своя школа. Школа Стерегущих. Где учили, как правильно накапливать то, что у нас накоплению не поддавалось в принципе.

Интересный культурный пласт, с мамой бы обсудить, с профессором Сатувом, с Томпалем... Да даже и с Равиой не отказалась бы! Острая тоска сдавила сердце. Как же я их всех люблю и как далеко от них нахожусь сейчас!

Показалось или огненный контур пса на ладони стал ярче?

ГЛАВА 4

Я погасила пламя, отёрла руку об одежду. Лучше не трогать последние крохи невесты на что.

– Силы берутся из любви и боли, – печально сказал Темнодар. – Но если Камнеломка уйдёт в страдание целиком и полностью, добра не будет. Так можно сгореть дотла, и не спасут.

– Родные Камнеломки живы, – сказала я. – Полного страдания не будет!

Возможно, я говорила слишком уж яростно. Потому что нивикиец скептически дёрнул головой. Но он промолчал, и я испытала к нему благодарность.

Я хотела верить, что все живы. Мне страшно было думать о том, что, возможно, живы не все. А ещё откуда-то в глубине души я знала, что если не верить в смерть, то она не случится. Детское ощущение, знаю, но с тобой сбывается то, во что всей душой веришь. Веришь в смерть – получишь смерть.

Я в другом мире. Странном и не похожем на наш. Здесь есть живые нивикийцы, есть служители жестокого культа Белоголового Паука-бога, вместо космических станций установлены Врата. Может, здесь есть что-нибудь ещё.

Отменяющее смерть, например, если в неё не поверить.

– Надо спуститься вниз, – решил Темнодар. – Поискать укрытие в скалах на ночь. Найти и приготовить еду.

– И постараться не попасться на глаза Белоголовым, – кивнула я. – Отличный план.

Но плану не суждено было сбыться. А случилось всё до обидного просто.

Мы осторожно пробирались вниз по руслу ручья, отчаянно стараясь не поскользнуться на влажных камнях. Лететь вниз придётся долго, с шумом, визгом и вполне понятным итогом.

Вскоре мы вышли на небольшое лысое место: деревья отступили, трава поредела, и под ногами пошли камни, уходящие глубоко вниз вертикальными слоями. Слои выщербило ветром и водой, ступать по ним было ох как непросто, и мы смотрели себе под ноги в основном, полностью забыв, что кругом враги.

Радостный крик выдернул нас в реальность. Прямо напротив нас, на скале чуть выше, стоял Белоголовый.

Я разглядела его во всех частностях. Белый плащ, алые рукава рубахи, тёмные брюки, копыта – что же ещё-то! – украшенные изображением паука с ненормально большой, белой головой. Белые, – ненормально белые, я бы сказала, краска? – волосы, скрученные в высокую гулю на темени.

Острый страх пронизал меня всю от макушки до пяток. Мы попались!

Сзади, слева, справа появились ещё белоголовые. Они одновременно вскинули руки, и мне не понравилось странное сияние вокруг их кулаков. Я видела его не только обычным зрением, но и паранормальным тоже. Оно воспринималось как толстые белые нити, слабо светящиеся в полумраке. Как будто в руках врагов встроен был генератор сетей, похожих на паучьи.

Чем бы оно ни было, добра это нам не принесёт!

Я дёрнула кругляш шеста, он развернулся со змеиным шипением. Не дамся без боя!

Но что противопоставить идущей на нас волне паранормальной мощи я не знала. Нас хотят пленить или уничтожить? И этого я не могла понять тоже!

Кажется, мы пропали...

Свист, удар. Я отвела шестом кончики первых «нитей», сбросила их на землю. Они зашипели, соприкасаясь с каменной землёй. Белоголовые дружно выдохнули «Х-ха!», и шест выбило у меня из рук, закрутило, сложило в кругляш. И он канул где-то в пропасти, с концами.

Паника подкатила к горлу: как бороться с врагом, применяющим столь подлые и опасные приёмы? И где мой невидимый друг? Он собирается драться или что он там делает?

Темнодар возник рядом и цепко схватил меня за руку.

Тень и Стерегущий вновь соединились в единое целое, и сквозь нас и вокруг нас упала невидимая, но от того не ставшая легче, тяжёлая плита.

И всё закончилось. В один миг, сразу. Как будто кто-то щёлкнул рубильником и во всём мире погасли все источники света сразу.

Я очнулась резко, рывком. Ощутила под щекой каменную поверхность и впившуюся в кожу острую грань. Стекло? Заострённый кусок щебня?

Слабость разливалась по всему телу и буквально вдавливала меня в землю. Но поддаваться слабости было нельзя, нельзя, нельзя... Я помнила, что враги – рядом, и они хотят меня убить.

Я с трудом приподняла голову. И увидела прямо перед собой копыта со знакомым рисунком бешеного солнца. Темнодар?

В уши ворвались шорохи и запахи ливня, ворчание грозы, шум идущего по кронам деревьев ветра.

– Камнеломка жива?

Сам не видит, что ли? Я озлилась, и злость придала мне сил. Приподнялась на локте, и нивикиец помог сесть, опереться спиной о скалистую стену.

– Это что? – спросила я. – Это как? Это почему?!

Мы находились под тем самым каменным навесом, с которого началась наша жизнь в чужом мире. В бок мне упёрлось что-то твёрдое и очень неудобное. Уголок...

Я вытянула из-под себя разумный кристалл, положила его себе на плечо, а дальше он прицепился к одежде сам.

Темнодар положил рядом со мною вытянутый плод размером с кулак.

– Пусть Камнеломка поест. Это не мясо, но съесть надо.

– Почему... то же самое место! Что случилось? Темнодар активировал Врата?!

– Темнодар прошёл по следу Врат, – ответил нивикиец. – Без Ходящего-по-Мирам пришлось не просто. Темнодар не уверен, что получилось до конца. После дождя надо уходить. Вверх, внизу нет ничего интересного.

– Как же ничего интересного. А засада?

Нивикиец хмуро посмотрел на меня. И сказал:

– В засаду Камнеломка может идти сама. Без сопровождения!

А ведь он бросит меня, в панике подумала я. Легко. Жизнь дороже. Если Темнодар решит, что тащить меня ему слишком накладно, он бросит меня.

– Много здесь искажений? – спросила я. – Следов от Врат, то есть?

Силы возвращались ко мне быстрее, чем в первый раз. Очевидно, затраты энергии на проход по следу оказались не такими огромными, какие требовались для открытия полноценных Врат. И я искренне надеялась на то, что Темнодар знает, что делает и почему.

– Мало, – отозвался нивикиец со странным тёплым оттен-

ком в голосе. – Хорошие Врата. Качественные. Выращены с мастерством и любовью.

– Темнодар знает имя мастера? – я решила ничему не удивляться.

Врата выращивают вместо того, чтобы строить? Ладно, пусть так.

– Не знает. Но хорошие мастера не оставляют следа... Камнеломка может встать? Пора уходить.

Я попыталась. Получилось не сразу, и шум в ушах ушёл тоже не сразу. Но я встала. А Уголок как приклеился к моему плечу, так там и оставался. Ему тоже как-то всё вокруг очень не нравилось, но он молчал, предоставив разбираться с проблемами мне.

Может, он ребёнок ещё? Кристаллы Геддарсу не возникали из ничего. Они появлялись на свет и росли, у них было детство. Не такое, как у нас, но всё же.

... Сначала мы шли по какому-то подобию тропы, вверх и вверх. Точнее, шёл Темнодар, копыта позволяли ему прыгать с невероятной ловкостью там, где мне приходилось карабкаться на всех четырёх конечностях. Я начала задыхаться, несмотря на то, что сил всё же прибыло.

Очень уж не хотелось мне встречаться с Белоголовыми. Я вспоминала их выбеленные головы, «паутину» из ладоней и

поневоле ёжилась. Попадём к ним в лапы, вкусными булочками ради знакомства не накормят.

Под ногами что-то блеснуло. Я не сразу обратила внимание, сделала шаг, а потом...

– Стоять!

В щели между камнями лежала серёжка-подвеска с крупным топазом. Такие, насколько я помнила, носила Равиой...

Добраться до подвески оказалось не так-то просто. Рука не проходила в щель. Пальцы не доставали до Равиойкиной вещицы каких-то два-три сантиметра!

Темнодар следил за мной, подперев спиной скалу и скрестив руки на груди. Никакого сочувствия. Хоть бы подсказал что! Я припомнила, что в нивикийском обществе насчёт уважения и соблюдения прав женщин. От матавийка к матавийку правила и общепринятые нормы менялись. От «женщине запрещено всё» до «женщине можно всё» существовало большое множество промежуточных состояний. Откуда, из какой системы ценностей свалился на мою голову Темнодар?

Я вдруг поняла, что он о себе не очень-то рассказывал. Как, впрочем, и я. Остерегается. Не доверяет. Как и я. Что ж, кто владеет информацией...

Нивикиец поймал мой сердитый взгляд и усмехнулся:

– Камнеломка желает дожидаться белоголовых?

– Надо достать, – заявила я. – Это... эта вещь... принадлежала подруге...

Я вспомнила Равиой и осеклась. Подругой тамме-отку называть я не могла при всём желании. Ни ту, с которой вместе поступила в универ, ни ту, что являлась ко мне по тропам расколотого Вратами времени потом.

– Не подруге, – верно оценил мою заминку Темнодар. – Одному из триады Камнеломки.

– Какой Темнодар умный, – восхитилась я. – Умища в голове у Темнодара – на сорок сороков хватит. Так может, Темнодар подскажет, как достать подвеску?

– А если Камнеломка немного подумает? – с ехидцей поинтересовался он. – Не может же быть такого, чтобы у Стерегущего совсем уж не хватало ума. Глупыши через Врата не ходят, даже через блуждающие и даже случайно.

Я заскрежетала зубами от злости. И ведь не поспоришь. Уел, копытное!

Я вновь приникла к трещине. Равиойкина подвеска будто издевалась надо мною. «А ну-ка, достань, попробуй!» – говорила она мне всем своим видом. Если вспомнить хозяйку, ничего удивительного. Какая сама, такие у неё и украшения. Достояние Таммееша, чтоб его. Вещь особой культурной ценности.

А если на нас сейчас выйдут белоголовые?

Я знала, что попадать к ним не надо. Во всём нивикий-

ском эпосе Белоголовый Паук-Бог – личность крайне неприятная, чтобы не сказать, злодейская. И служители у него такие же, все в начальство. Проклятье!

Уголок подобрался к расщелине, встал горбом. Будь он кошкой, я бы решила, что с любопытством заглядывает. Но подвеска не заинтересовала его. Кристалл брякнулся на прогретый солнцем камень всей плоскостью, опять же, очень как-то по-кошачьи.

Да как же достать эту дрянь! И паранорма моя не помощник, огнём можно разве что спалить всё к нивикийским чертям... да где тот огонь, до сих пор не вернулся.

Огнём?

Я вдруг вспомнила, с чего Темнодар прозвал меня Камнеломкой. Тогда у меня получилось расколоть камень вовсе не огнём. И башку врагу тоже не огонь разнёс. Психокинез! Огонь – лишь частичное его проявление. И, хотя у нас нет никого, кто смог бы поднять свой уровень с огня на полный контроль над материей, даже у брата Ана не получалось подобное, всё же мы, пирокинетики, относимся к тому же самому спектру паранормального. Если Врата подняли мой уровень...

Я сунула в щель пальцы, прикрыла глаза. Ощутила поток, идущий вдоль кисти, так, как прежде, когда владела только лишь огнём. Только сейчас мне нужен был не огонь, а...

Камень треснул и развалился на несколько кусков. Я мгновенно схватила подвеску, едва не свалившуюся следом

за каменными обломками. Вот было бы радости лезть за нею обратно вниз! И то, это в том случае, если бы Равиойкина цацка не провалилась бы вовсе куда-нибудь внутрь горы.

– Камнеломка может, – удовлетворённо сказал Темнодар.
– Если сильно захочет.

– Молчи, копытное, – выругалась я на эсперанто, а понивикийски сказала:

– Темнодар хочет ссоры?

– Темнодар, – заявил нивикиец, – хочет убраться с открытого места куда-нибудь туда, где белоголовым трудно будет разглядеть добычу. Наверх!

И мы пошли наверх. Я снова прокляла всё. Спасибо археологическим ботинкам, обычная обувь давно уже развалилась бы на здешних косогорах. Хорошо иметь на ногах копыта!

Интересно, они у моего спутника подкованы? Металлического лязга при прыжках с камня на камень не слышно, но подкова не обязательно должна быть железной. Нивикия, несмотря на множество сшитых Вратами областей-матавийков, находящихся на самых разных стадиях технологического развития, пещерным мраком всё же не была.

Наш сумасшедший, рвущий все жилы, поход наверх упёрся в отвесную скальную гряду.

– Ну, всё, приплыли, – пала я духом. – Без специального снаряжения не заберёмся.

Острый каменный край плыл над нашей головой метрах примерно в трёхстах.

Темнодар присел на один из валунов, в беспорядке валявшихся под отвесной стеной, и задумался. Он тоже устал, я видела. Копыта копытами, а скакать всё время вверх – удовольствие нелёгкое. Особенно без завтрака, обеда и, судя по тому, как солнце пошло в сторону заката, без ужина. Потому что здесь, кроме камней, есть было совсем нечего.

Где-то Темнодар добыл еду, я помнила. Или то была птица? Не понять, да и неважно. Едва я вспомнила о запечённом на углях мясе, как во рту тут же собралась слюна, а живот подвело голодом. Крайне неприятные ощущения!

Нам укрытие бы на ночь ещё найти, да такое, чтобы белоголовые мимо прошли, и дождём не залило. Тучи мне не нравились. Тяжёлые, тёмные, по краям – ослепительно белые, а над ними, в разрывах, на пронзительной синеве неба – лёгкие крючки когтеобразных облаков. Дождь будет точно. Не ночью, так утром.

Еда и укрытие были всё же проблемами местного порядка. Да, белоголовые тоже. Я была уверена, что как-нибудь мы с Темнодаром всё-таки выкрутимся.

А вот глобально – я вообще не представляла себе, что же делать. Мы в горах на не пойми какой планете не пойми где с не пойми каким уровнем обитаемости. Отлично. За нами

охотятся служители не самого доброго во Вселенной религиозного культа. Замечательно. Мы пока ещё живы и не в плену. Прекрасно.

Но дальше делать-то что?!

– Где-то здесь, – сказал Темнодар, вставая. – Пусть Камнеломка терпит. Надо пройти дальше.

– Куда уже дальше! – возмутилась я.

Но нивикиец поднял ладонь, и пришлось замолчать.

– Надо, – сказал он. – Камнеломка поймёт потом.

Мы пошли вдоль каменной стены. Склон, вдоль которого шла скала, сужался и сужался, и в итоге превратился в узенькую каменную полочку, упиравшуюся в громадный гранитный валун, до сих пор не свалившийся отсюда вниз каким-то чудом. Что там, за валуном, отсюда понять было невозможно. Может быть, горная полянка-склон, а может, и пропасть. Развернуться будет попросту невозможно, выпрыгнуть наверх тем более. Даже копытному Темнодару.

– Может, сразу вниз прыгнуть? – предложила я.

– Нет, – убежденно ответил Темнодар. – Лучше сначала помучиться! А вдруг удастся пройти?

– А вдруг не удастся?

Он обернулся через плечо. Даже здесь было уже слишком узко для двоих, и потому нивикиец шёл первым, а я за ним.

– Если не удастся, то спрыгнуть всегда можно, – объяснил он. – Это легко.

– Хм-м, а вернуться обратно и поискать обходной путь?

– Пусть Камнеломка обернётся.

Я вжалась в скалу и осторожно повернула голову. У нас под ногами разверзалась громадная пропасть, и в другое времяхватило бы дух от красоты уходящих вниз склонов, от синего моря или, может быть, даже океана, раскинувшегося до самого горизонта, от эффектных облаков. Но позади и внизу я увидела белокаменный храм с золотыми куполами. И во дворе того храма – или крепости – шла деловая муравьиная суета.

Отряды в основном спускались вниз, на таком расстоянии – воины казались действительно крошечными, не больше муравьёв. Но одна группа направлялась и наверх...

Могли они увидеть нас? С такого расстояния... Невооружённым глазом вряд ли, ведь это ещё надо чётко знать, куда смотреть. А вооружённым? Есть у них бинокли? Подзорные трубы? А может, радиолокационные сканеры есть? Если есть, нам ноль без вариантов.

Но группы преследователей уходили в другую сторону. Не к нам. Наверное, белоголовые знали, что здешний карниз упирается в тупик.

– Белоголовые придут сюда, – негромко сказал Темнодар. – Для очистки совести. Чтобы доложить вышестоящим, что здесь никого нет. Здесь никого не должно быть, понятно Камнеломке или не понятно?

– П-понятно... – ответила я, зубы вдруг застучали, и не от прохлады.

Холодом пирокинетика не возьмёшь. А вот страхом – ещё как. Нас, конечно, программировали на стойкость и всё такое прочее, сама наша паранорма предполагает прежде всего боевого применение, а солдат не должен бояться. Но полностью страх убирать генетики всё же не стали. Без него много не навоюешь!

У нас был экскурс в историю создания пирокинетической паранормы, в рамках общешкольного образования. Полностью лишённые способности испытывать страх бойцы уступают тем, кому страх всё же ведом. Я не помнила, почему. Там приводились таблицы исследований. За сухими строчками скрывались человеческие судьбы, брошенные в топку научного любопытства Институтом Экспериментальной Генетики Старой Терры. Подавляющее большинство того, что генетики прошлого позволяли себе делать на человеческом материале, сейчас запрещено под угрозой пожизненной дисквалификации.

– Пусть Камнеломка не боится, – сказал Темнодар. – Тень видит. Тень знает. Линия судьбы Стерегающего завершится не здесь.

ГЛАВА 5

Тень – это тоже паранорма, подумала я. Только не такая, как моя. А какая? Кто бы знал. Если вспомнить Равиойку... Но Равиой ничему не обучена, а Темнодар явно знает, что делает и почему.

Мы ползли по узкой полочке карниза, казалось, целую вечность. Удивительно, как белоголовые не разглядели нас. Скалы пёстрые, надо очень хорошо знать, куда смотреть, чтобы заметить ползущие в вышине точки. Значит, нет у них ни радиолокатора, ни другого сканера, ни даже паранормы, способной определить ауры беглецов!

Темнодар внезапно собрался и прыгнул. Я услышала перестук копыт – не свалился. И осторожно заглянула за каменный бок.

Да-а. Перепрыгнуть, наверное, можно. Если эволюция вывела тебя на вершину разума из скаковых животных вроде старотерранских горных коз.

– Нет, – замотала я головой в полном ужасе. – Нет. Ни за что!

– Прыгай, – приказал мне Темнодар.

В нивикийском языке нет местоимений, но форма глагола первого лица всё-таки есть. Отнесена к жёсткой общенной лексике, между прочим. Но вполне себе существует и активно используется в качестве нецензурной брани.

Потому что «прыгай» в экстремальной ситуации крикнуть проще, чем «Камнеломка должна прыгнуть прямо сейчас».

– Нет.

Я не допрыгну. Козёл ты нивикийский, неужели ты не видишь, что я не допрыгну?! И отрастить копыта в кратчайший срок у меня не получится.

Темнодар подошёл к самому краю. У меня закружилась голова: слишком опасно встал к обрыву, свалится же. И тут же пришла другая мысль: три раза «ха-ха», это он-то, копытное, свалится? Жди!

Нивикиец слегка отвёл руку, и над ладонью его сформировалась ослепительно белый зигзаг Тени, острым концом ко мне. Ого, Тень способна быть оружием! Угроза застыла в воздухе диким напряжением. Примерно как в присутствии брата Ана, когда тот не в духе и собирается протянуть шестом по хребту, чтоб по всем костям звон прошёл.

Уголок недовольно вылез мне на голову. И сдёрнуть бы кристаллического нахала на бренную землю, да только земли вокруг было не видать. Я стояла на карнизе шириной в две ступни, не больше.

– Прыгай, – повторил Темнодар. – Или умри.

– Останешься без Стерегущего, – я тоже отбросила все правила приличия.

Женщинам подобные речевые конструкции строго-настрого запрещены, это уже просто не описать, какого морального разложения достигла девушка, вздумавшая разго-

варивать в подобном тоне. Но мне было уже наплевать.

– Лучше Темнодар останется без белоголовых, – абсолютно серьёзно заявил этот поганец. – Прыгай, Тень подхватит. Или умри.

Я зажмурилась. Как же страшно, слов нет! Но лучше я убьюсь сама, чем меня прикончат. Я прыгнула.

Конечно, я не долетела до твёрдой земли всего ничего! Я вцепилась руками в край, а тело пошло вниз, спасибо гравитации. Сейчас оно ударится о каменную стену, и я не смогу удержать свой собственный вес. Как глупо! Как страшно всё! Вот прямо сейчас!

Так и случилось, и пальцы мои разжались, но резкий рывок не позволил улететь в пропасть. Уголок упёрся одним концом мне в макушку, а другим в спасительную поверхность, и я повисла в воздухе. Как же больно, слов нет! Ощущения – шею оторвало, и тело летит вниз. Вот только оно никуда не летело, а всё ещё болталось при мне.

Но Уголку всё же не хватало сил. Медленно, но неуклонно мы начали сползать в пропасть. Тогда-то Темнодар наклонился и рукой с Тенью схватил меня за волосы. Ой-ёй, нашёл за что! Тут уже и я очнулась, вцепилась руками, подтянулась...

Вскоре я уже лежала ничком на склоне, с огромным трудом осознавая, что – жива. Не разбилась, не убилась, а – жива!

Уголок улёгся под самым моим носом с очень довольным

видом. От него мирно пахло озоном.

– Камнеломка может, – рассудительно высказал Темнодар, присаживаясь рядом со мною в типично нивикийской позе, коленками назад. – Если захочет.

– Пусть Темнодар заткнётся, – простонала я, закрывая глаза.

Поднять руку и проверить, остались у меня на макушке волосы или их оба этих деятеля выдрали с корнями, не было сил.

– Пусть лучше заткнётся Камнеломка, – вынес встречное предложение нивикиец. – Надо подняться выше и укрыться за деревьями. Белоголовые всё ещё могут увидеть, если захотят.

Да, если преследователям придёт в голову внимательно осмотреть этот склон, они увидят нас, таких красивых. Чего там. Опасность я понимала, опасность оставалась неприятно реальной, и стоило тогда вообще прыгать, если всё равно собираешься всё испортить.

Кое-как я поднялась, сначала на четвереньки, потом на одно колено. Темнодар поддержал под локоть, и тут же отступил в сторону, едва я утвердилась на ногах.

Выдержать темп за копытным оказалось непросто. Когда мы перевалили через гребень, надёжно отделивший нас от долины, где рыскали белоголовые, я буквально свалилась на землю. В глазах плавали цветные пятна, дышалось – ну, так себе дышалось. То ли высота уже сказывалась, то ли я сдала

совсем. Уголок слез с плеча, нашёл солнечное место и там разлёгся, показывая всем своим видом, что он тоже устал.

Может, и устал, откуда мне знать, сколько энергии ушло у него на то, чтобы удержать меня от падения в пропасть! В затылок дохнуло ледяным холодом, стоило только вспомнить. Мороз болезненно отдался в макушке, там, где Уголок цеплялся за меня.

Не знаю, сколько я просидела так, приходя в себя. Но когда немного успокоилась, то обнаружила, что солнечные пятна сдвинулись в сторону, и вслед за ними сдвинулся Уголок.

Темнодар деловито нанизывал на прутик каких-то местных лягушек с тремя огромными выпученными глазами. Я прислушалась, и уловила звон бегущей по камням воды. Лягушки однозначно попали в руки нивикийцу оттуда.

Костёр мой спутник развести ещё не успел. Но очажок уже выложил – камни, сухая кора и веточки внутри. Я сжала кулак, и над ним наконец-то родилось слабое пламя. До слёз, я ведь думала, что уже не смогу никогда! Ткнула в центр – кора тут же занялась весёлыми рыжими язычками. Темнодар благодарно кивнул мне.

Лягушек на двоих оказалось восемь штук. У них было красноватое мягкое мясо, с голодухи – безумно вкусное. Поделили мы улов честно, пополам, и не сказать, чтобы каждый

наелся до отвала. Я бы ещё столько же умяла. Но всё равно, на душе значительно полегчало. Всё-таки с едой куда веселее жить, чем без еды!

Я отошла к ручью – умыться и запить ужин. Вода проточная, будем надеяться, что никакая дополнительная жизнь вроде амёб и прочих паразитов в ней не водится. Ледяная настолько, что аж зубы ломит! Почти как у нас дома, на Старой Terre, в ручьях из талого снега...

Я плеснула воды себе в лицо, утёрлась, за неимением полотенца, рукавом. Подняла голову и увидела...

Вниз по течению лес расступался вокруг лысого места. На голом камне сложно вырасти чему-то сложнее травинки, чьё семечко случайно занесло в трещину. А над камнем висело скрученное немислимым образом веретено искажённого пространства. В толще которого вроде как угадывалась тёмная человеческая фигура. Руки, ноги, запрокинутая голова...

– Темнодар! – позвала я и не узнала собственного голоса. Кто из нас двоих Тень? Пускай расхлёбывает!

Темнодар приказал мне не подходить близко. И сам очень и очень остерёгся, осматривая странное образование с расстояния.

– Что Темнодар видит? – спросила я нетерпеливо.

– Сердцевину блуждающих Врат, – нехотя ответил мой напарник. – Рассогласование с текущим ходом времени значительное. Из-за тела, застрявшего внутри.

Очень, знаете ли, мне не понравилось, как он сказал – «те-ло».

– Темнодар считает, что человек погиб? – спросила я на-прямик.

– Темнодар не знает, – вздохнул нивикиец. – Сейчас ни-чего сделать нельзя.

– Совсем?

– Совсем, – ответил он печально и строго. – Пусть Кам-неломка расскажет, как прошёл переход. Что-то случилось, верно?

Я внимательно посмотрела на нивикийца. Он лишь дёр-нул уголком рта в усмешке. Кого я обмануть хочу? Того, кто знает о местных Вратах всё?

– Напали враги, – сказала я, всё же не желая вдаваться в подробности.

Не доверяла я своему копытному товарищу по несчастью. Да, сейчас мы бежим от Белоголовых вместе. А потом? Когда добежим до безопасного места?

– Тень ранена, – сразу указал на проблему Темнодар.

Я промолчала.

– Рассогласование времён означает, что время внешнее идёт под углом со временем внутренним, – сжалился он на-до мной. – Пока Врата не синхронизируются с миром, сде-

лать что-либо невозможно. Но внутри относительно внешних миров времени нет.

Наверное, у меня слишком сильно вытянулось лицо. До слёз не дошло, я сумела от них удержаться. Но все остальные эмоции прописались крупным шрифтом.

– Прежде, чем вести синхронизацию, надо позаботиться о спасении для Тени, – продолжал нивикиец.

Я вспомнила, что Равиой потеряла кисть и ступню. Для неё, там, внутри, сейчас нет времени, но если дёрнуть её оттуда сюда к нам, кровью же истечёт! И нас поймают. Мы сами-то на ногах и копытах еле держимся, а с раненой на горбу...

– Нужны врачи, – подвёл безжалостный итог Темнодар. – Не Белоголовые!

Да понятно, что Белоголовым видеть и знать вот это всё ни к чему! Каким-то внутренним чутьём паранормала я воспринимала Белоголовых именно как врагов. И перебить ощущение не удавалось. Я чувствовала – знала! – с ними не о чем договариваться! У нас с Темнодаром не было при себе ничего, что они не могли бы забрать у нас сами, силой.

Я довольно прочла нивикийских книг, чтобы понимать: закон, безусловно, есть, но до представителей того закона ещё надо добраться. Здесь, в горах, куда спозиционировалось жерло блуждающих Врат, территория Белоголовых. А мы с Темнодаром – не граждане местного матавийка. То есть, никто и звать никак.

О нас не знают.

А как спасти тех, о ком не знаешь, кто спасения у тебя не просил, чьи координаты отсутствуют на карте вместе с тревожным писком маячка?

Правильно, никак.

– Что нужно? – спросила я, от волнения выстраивая фразы на нивикийском неправильно. – Что делать? Как спасти?

Ох, и влетело бы сейчас от профессора Сатува! Высокий птичий голосок гентбарца эхом отдался в памяти: «кто не знает языков, тот калека»

Темнодар вздохнул. Он ничего не сделал, но застывшая в иной размерности сердцевина разладившихся Врат вдруг исчезла. Раз, и нет её. Так исчезает голограмма, когда выключаешь проектор.

Я закричала от испуга и внезапной ненависти. Сложила на голову нивикийца несколько мегатонн ругательств, не меньше! Кто бы ни застрял в тех Вратах, Равиой или Томпаль, вот так стирать его – их! – из мира было уже слишком!

Темнодар терпеливо дождался, когда я начну повторяться.

– Предмет охоты Белоголовых спрятан в складках пространства-времени, – сказал он терпеливо. – Не найти. Не увидеть. Камнеломка увидеть может, если заткнётся и присмотрится.

Я заткнулась и присмотрелась. Вначале не получилось ничего, но потом сквозь воздух будто проступило нечто. Кон-

туры искажённого пространства с тёмным силуэтом внутри.

– Раскрыть невозможно – у Стерегающего нет энергии, – продолжал объяснения Темнодар. – Раскрыть потому ещё невозможно – здесь нельзя спасти раненого. Врата блуждающие, значит, необязательно сидеть с сердцевиной в обнимку и ждать невесть какой погоды от Белоголовых. Надо идти. Искать город. Искать ночлег. Искать занятие. Проще говоря, заработок. Врачи не станут работать даром для чужеземцев.

– Темнодар сумеет... раскрыть? – спросила.

– Нужна энергия Стерегающего...

Я посмотрела на ладонь. Силуэт ящероголового пса так и не проявился на ней. Энергии, похоже, действительно не было. Странно чувствовать себя батареей или аккумулятором, но, похоже, выхода нет.

– Темнодар знает, куда идти? – спросила я. – Нужен ведь город, не так ли? Большой город! Где можно заработать достаточно на приём у хорошего врача! Где вообще хорошие врачи есть.

– Темнодар не знает, – ответил нивикиец. – Но догадывается. Надо идти. Или Камнеломка желает дожидаться Белоголовых?

Камнеломка дожидаться преследователей не желала ни сколько. Поэтому мы пошли.

Вёл Темнодар. Он, как Тень, ориентировался на так называемые «пути силы». Что это такое, объяснить мне не пожелал, сказал, что не наставник и не умеет учить таким важ-

ным вещам неопытных дурачков. Ладно, про «дурачков» я додумала, но слышали бы вы этот снисходительный тон!

– А вдруг Белоголовые найдут сердцевину блуждающих Врат? – спросила я через время.

Мы как раз поднялись на очередной косогор, а теперь с него спускались. Жуткий горный марафон, никогда не думала, что мне когда-нибудь придётся вот так выкладываться. Так даже в армии не тренируют! Разве что на Альфа-Геспине, но туда-то я и не собиралась, а потому и марш-бросками себя не измеряла.

Ещё жара. Мне, выросшей среди ледяных пустошей Старой Терры, генетически модифицированной именно для холодного климата, было невыносимо жарко. Хотя Темнодар утверждал, что вокруг холодно, и потому надо шевелиться быстрее, чтоб согреться.

Куда уже греться-то! Снега нет! Ветра северного – нет! Солнца палит сверху, несмотря на кроны деревьев. Пот то и дело заливает глаза, ощущения – космос. Если бы ещё рюкзак мой пережил падение во Врата!

Но нет же. Осталась без ничего. Добро, ботинки археолога были при мне. Босиком я бы давно стёрла подошвы до костей!

– Не найдут, – ответил Темнодар на мой вопрос.

– Вот хорошее дело, самоуверенность, – заявила я. – Точно не найдут?

– Точно не найдут, – отмахивался он от меня, и бодрым

козликом скакал себе дальше.

Я хотела есть. Даже не просто есть, жрать. Лягушки давным-давно переварились и вывелись из организма. Но жрать было нечего. Кроме вродеорехов, висящих на ветвях некоторых деревьев гроздьями. Но срывать их я опасалась. Помнила лекции по безопасности, насчёт ядовитых растений Галактики.

Ещё вопрос, сколько лишней жизни мы с Темнодаром развели в себе, когда пили из бегущих по скалам ручьёв...

Огонь не слушался меня. Но если забыться и опереться рукой о какую-нибудь скалу, по ней иногда начинали бежать трещины. Просто от прикосновения и слабого нажима. Как-то мне это совсем не нравилось.

Одно успокаивало: паранормальным срывом не пахло. Нас учили перед экспедицией распознавать первые признаки. Ни одного из них я в себе во время целительской экспресс-диагностики не наблюдала.

Огонь вернётся. Я в это верила.

Я найду Равиой и Томпаля. И в это я тоже верила.

Город открылся нам почти под вечер. Солнце уже утонуло в розовато-белёсой вечерней хмари, но до звёзд ещё оставалось далеко, хотя какие-то уже и проглядывали. Со склона горы мы увидели неширокий узкий залив, уходящий вперёд

и вправо. На том его берегу мягко сияли синие, оранжевые и жёлтые огни, в порту стояли корабли. Без парусов, значит, здешний мир уже знаком был с двигателем внутреннего сгорания как минимум.

– Спустимся вниз утром, – решил Темнодар.

– Почему не сейчас? – поинтересовалась я.

В городе наверняка же есть какие-то службы спасения! Полиция, патруль, не знаю что. Какая-нибудь контора, которая занимается угодившими в блуждающие Врата жертвами! Когда я читала нивикийские романы на тему беглецов и беглянок или случайно попадающих в другие матавийки несчастных, такие службы там были!

– Пусть Камнеломка посмотрит вниз, – хмыкнул Темнодар.

Я глянула. Ну... да... обрыв...

– Спуск ещё надо найти, – объяснили мне, бестолковой. – И не сломать ноги. Темнота наступит быстро.

Эх, ещё одна ночёвка в первобытном стиле! Как же мне хотелось нормально вымыться и нормально поесть! Вытянуться на нормальной постели! Пусть даже это «нормально» будет казённым, а потому аскетичным до изумления. Всё равно с голым камнем не сравнить.

ГЛАВА 6

Пещеру мы нашли не из самых лучших. Узкая, мало места, стены смыкаются под углом и потолок слишком низок, в полный рост не выпрямиться. Пол засыпан щебнём вперемешку с землёй.

Но Темнодар обрадовался и такой. Он забился в дальний угол, свернулся в клубок, как котёнок, и провалился в сон. Вымотался. А я уже всерьёз начала думать, что он железный. Или вообще киборг. С термоядерным движком в одном месте!

Я сидела рядом, смотрела сквозь зев пещеры на ту сторону залива, где сиял огнями чужой город, и никакого сна ни в одном глазу у меня не ночевало. Бывает так. Устанешь до изнеможения, а потом не можешь уснуть, хоть плачь.

Закат угасал, и вскоре с неба исчезла последняя светлая полоса. Наконец-то я смогла рассмотреть ночные созвездия, ведь впервые мы не бежали куда-то сломя голову и не прятались в каких-нибудь норах, молясь, чтобы преследователи прошли мимо.

Абсолютно чужие звёзды. Нас учили делать визуальные навигационные поправки. Ещё мы выучили расположение звёзд относительно локали Геддарсу и смежных с нею пространств. Я пыталась найти хоть какое-нибудь сходство. Ничего подобного!

Ничего знакомого я не сумела увидеть. Во всяком случае, на том участке небосклона, который мне оставался доступным отсюда.

Можно выйти из пещеры и осмотреться, а ещё лучше взобраться повыше и осмотреться оттуда. Казалось бы, встала да пошла. Но я не смогла.

Бросить спящего Темнодара – последнее дело. Кто знает, вдруг на него наткнутся Белоголовые, пока я буду бродить непонятно где? Правда, что я буду делать, если на нас обоих сейчас наткнутся Белоголовые, я тоже не знала.

Драться с ними, другого варианта нет. Насмерть. И добро бы в бою погибнуть, иначе белоголовые уволокут нас к себе в свой храм и сделают с нами что-нибудь хуже смерти. Белоголовые могут, я была уверена в этом.

Я обхватила себя ладонями за плечи. Стало зябко, и вовсе не от прохладного ветерка, вздумавшего заглянуть в наше ненадёжное убежище.

Я здесь одна. С чужим человеком чужого народа, о котором все мы думали, что он давным-давно вымер. Куда меня выкинули испорченные Врата Геддарсу, я не имела никакого представления.

Никто не спасёт.

И как ещё встретят в городе...

Внезапно мне показался шорох чьих-то шагов. Я дёрнула с пояса кругляш шеста, но активировать его не спешила, чтобы не нашуметь прежде времени. Шорох, скрип, стук, будто

кто-то пнул камешки с дороги, но не ботинком, а копытом – слишком уж звонкий для ноги в обуви звук. Копыта? Белоголовые?

Те, что за нами гнались, были копытными, как Темнодар. В городе наверняка тоже нивикийцы живут.

Стук, скрип. Короткое ругательство. Нивикийское... Смешно было бы ждать эсперанто!

– ... последнее, – глухо сказал низкий голос сверху слева. – Необходимо вернуться.

– Сбежавшие где-то здесь! – возразил другой голос, моложе на слух, чем первый. – Сейчас или никогда!

– Патруль где-то здесь, – заявил старший. – Захлопни пасть, червемордый ползучий сын пучеглазого земноводного, плод инцеста навозной тли и короеда!

Ого, какие выражения в ход пошли! Я уловила приблизительный смысл, разумеется, белоголовый выразился куда эффектнее. Младший злобно засопел, но связываться не пожелал.

– Патруль на подходе, – напомнил старший.

Цокот копыт, чуть дальше, чем раньше. Шорох. Сыплющиеся вниз камешки, сдавленное проклятие.

В висках гулко отдавало пульсом.

Патруль. Вот ещё одна беда. Что с нами сделает местная стража? Если Белоголовые местных правоохранителей боятся, то с какой стати не должны бояться мы с Темнодаром? Во всех мирах Галактики полиция очень не любит неуста-

новленных граждан без документов. А какие у нас документы-то. Головы, руки, ноги и копыта, всё.

А, ещё сердцевина блуждающих Врат, которую Темнодар, по его словам, прихватил с собой каким-то непонятным способом.

– Стоять, ублюдки!

Третий голос вспорол тихий вечер подобно удару в висок с психокинетическим выплеском. Тот самый патруль! Вряд ли бандиты. Оно преступникам надо, связываться с Белоголовыми? Нет, бандиты предпочли бы или уйти или предложить помощь в поисках, за награду. А этот сразу с места в стратосферу со своим «стоять, ублюдки». Точно, офицер! С правом карать на месте в процессе задержания.

Темнодар резко раскрыл глаза. Я приложила палец к губам, показывая: молчи! Нивикиец сразу всё понял, даже не шевельнулся. Вот это выдержка у парня! Я бы точно уже резко дёрнулась спросонья и выдала бы себя.

Снаружи тем временем всю уже шли агрессивные переговоры. Перестук копыт по камням, лязгающие звуки скрежетающихся клинков. Огнестрельного, тем более, плазменного, оружия вроде как нет. Дерутся, как в дикие времена, ножами или мечами. И копытами ещё лягаются! Я распознала полновесные глухие удары, с какими копыта соприкасаются с живой плотью. У меня по свежей памяти заболел живот, куда не так давно прилетело ногой от Темнодара.

Мимо зева пещеры с воплем пролетело чьё-то тело. Спих-

нули, ранили или сам промахнулся, не рассчитав движения на узкой тропе? Но даже кому именно так сильно не повезло, Белоголовому или патрульному, было не понять.

Внезапно всё стихло. Мы с Темнодаром сидели не шевелясь, забыв дышать. Кто бы там ни победил, пусть его мимо пронесёт!

Шаги. Осыпающаяся под копытами каменная крошка. Снова шаги. Вроде бы мимо... Хоть бы мимо! Пожалуйста, мимо!

В глаза ударил яростный белый свет мощного фонаря. И тот же властный голос, только что приказывавший Белоголовым стоять, велел нам выходить. Живее!

Не пронесло, обречённо подумала я, поднимаясь на ноги. Кругляш шеста я прицепила обратно на пояс. Вдруг господин офицер не сообразит, что это оружие.

– Не Белоголовый, – тихо шепнул мне Темнодар.

– Молчать! – тут же прилетело нам обоим из-за слепящего света.

Чудесно. Вначале попала я одна, во Врата. А теперь, похоже, попали мы оба.

Офицер местной полиции ничем не напоминал нашего капитана Снежина. Ни доброты в нём не обнаружилось, ни сочувствия. Такой же копытный, как мой спутник, как его под-

ручные и как захваченный Белоголовый.

Белоголовому было очень уж нехорошо, всё время клевал носом. Видно по голове тоже прилетело, причём серьёзно. Кровь на светлых волосах в закатных сумерках казалась чёрной. Жалеть его никто не думал, и мне бы тоже не следовало. Не просто же так он и его команда охотились за прошедшими блуждающие Врата!

– Охвостье! – врубил офицер нам с Темнодаром, не особенно разбираясь, кто тут есть кто.

Мой внешний вид его, копытного, несколько не смутил. Как будто каждый день перед его носом люди прогуливаются. Интересная реакция. То ли вправду знаком с представителями моего биологического вида, то ли в самом деле такой вот непошибаемый. Как и положено честному служаке при исполнении.

Рослый, значительно выше любого воина из своего отряда, выше Темнодара и выше меня, ненамного, а всё же. В тёмном мундире с серебряными полосами на отвороте. Три полосы – дамийк, то есть, примерно капитан, если перевести на нашу табель о военных знаниях. С оружием, возможно, даже огнестрельным. Но я не восприняла через паранормальное зрение обычный для батарейных блоков плазмоганов энергетический след. Уже лучше. Хотя если этот тип стрелять умеет так же хорошо, как и драться, то какая разница, что прошьёт тебя насквозь, плазменный разряд или кусочек металла. Чем оно там стреляет, пулями?

Нивикийские пулевики я видела на рисунках не раз, оружие у дамийка вроде как похоже.

Он прошёлся перед нами, внимательно нас разглядывая. С головы до ног, очень тщательно, только что в зубы фонариком не осветил.

– Какой матавийк? – бросил вопрос через губу, резко, грубо.

– Аркатамеевтан, – ляпнула я, не подумав.

Всё остальное просто из головы вылетело! Но там, где сейчас располагается Земная Федерация, раньше была империя таммеотов. Может, здесь ещё помнят об этом. Может, знают, как зарядить Врата на обратный переход!

На самом деле, меня спасло лишь то, что сказала я правду. Я ведь действительно появилась здесь из пространства Аркатамеевтана. Даром, что его десять тысяч лет уже как не существует в природе. Но меня спрашивали не про действующее государство, а про место на карте.

– Задержание до выяснения личности, – заявил полицейский, обдумав услышанное. – Не создавать проблем!

Создашь ему проблемы, как же. Я всё ещё помнила пролетевшее мимо тело. Отсюда было не видеть, что от него там, внизу, осталось.

Вот так я впервые оказалась в нивикийском околотке, то

есть полицейском участке, а если ещё проще говорить, в тюрьме. За бродяжничество без подорожной.

Изумительное место. Подвал, разделённый железными клетками на части. Пустой, что странно. Я-то думала, здесь полно будет всяческого преступного отребья и тех, кто улицу перед господином офицером неправильно перешёл. Но нет. Пустота и тишина. Нас с Темнодаром рассадили по разным клеткам, но – рядом друг с другом. Белоголового сразу утащили куда-то, где от него, судя по всему, оставят одни лишь копыта, на сувениры. Где-то даже жаль парня. А с другой стороны, он бы меня не пожалел.

– Аркатам? – недоверчиво спросил у меня Темнодар.

Мы подошли к разделявшей нас решётчатой стене и держались за прутья, каждый со своей стороны.

– Темнодар знает тамешти? – спросила я нивикийца на языке Равиой.

Если знает, если знаком с таммеотами, то он, как Тень, может настроить Врата на дорогу обратно! Нам бы хоть где в пространстве бывшего Аркатамеевтана появиться! Там – Федерация, там – Радуарский Альянс, да хотя бы Оллирейн, хуже всё равно уже не будет. Нам помогут!

Вспыхнувшая надежда резала душу безжалостным ножом. А вдруг! Ведь всё для нас тогда закончится. Сразу.

Темнодар ответил на нивикийском:

– Мёртвый язык. Язык учения.

– Да почему же мёртвый! – вскричала я, но спутник мой

ладонь выставил, и пришлось замолчать.

– Аркатам – легенда. Сказка. Мечта о несбыточном. Врата в Аркатам закрыты давно, закрыты навсегда хранителями серебряной крови. Об Аркатаме никто ничего не знает сейчас.

– Темнодар знает, – возразила я. – Как же так?

– У Темнодара были хорошие учителя.

– А открыть Врата...

– Нет, – категорично отрезал нивикиец.

– Разве Тень, падающая на универсум, может не всё? – я сознательно назвала его полным титулом на тамешти.

Рамеевтой – женский вариант, в мужском прозвучало – рамеевпор. Таммеотский язык очень конкретный, в нём нет среднего рода, только мужской и женский. Знала я его не очень хорошо. Хуже, чем нивикийский, на котором – спасибо маме! – говорила с детства.

Как же упростило мне жизнь такое знание! Вот попала бы я через Врата сюда ни словечка не понимая? Ужас. Поймали бы меня тогда Белоголовые, ведь Темнодар не сумел бы мне втолковать, что их нужно бояться.

Впрочем, местную власть в лице офицера полиции, кинувшего нас в подвал за решётку, тоже следовало опасаться. Что у него на уме, откуда мне знать!

Темнодар долго молчал. Потом сказал тихо:

– Если Врата умерли, то сделать ничего нельзя. Разве только Камнеломка серебряной крови... Но Камнеломка –

Стерегающий, а Стерегающих серебряной крови не бывает в природе. Несовместимо. Совсем.

– И кровь красная у Камнеломки, – кивнула я.

Я с трудом представляла, как это, серебряная кровь. Разве что совсем уже нечеловеческая форма жизни. У гентбарцев кровь жёлтая, даже не кровь, а гемолимфа. У некоторых глубоководных организмов на Старой Терре кровь синяя, из-за высокого содержания меди.

Разве только там, в крови, находятся какие-нибудь наноботы, позволяющие управлять Вратами. Но это вовсе не уровень Земной Федерации! Мы, Человечество, пошли по другому пути, внедряя генетические модификации. Равиойку бы расспросить! И взять кровь на анализ. И найти лабораторию, которая смогла бы провести такой анализ! Хотя моей паранормы в первом приближении хватит, я думаю.

– Врата Аркатама умерли все? – спросила я у Темнодара.
– Надежды нет?

– Умерли все, – ответил тот так уверенно. – Нет надежды.

– Что же делать? – спросила я с горечью. – Камнеломке не нравятся решётки!

– Темнодару решётки не нравятся тоже. Но надо ждать. Может быть, удастся договориться. Лишь бы не к Белоголовым, – и он ощутимо поёжился.

– Белоголовые пытали болью?

Что тут догадываться, всё на поверхности. От Темнодара требовали доступ к Вратам. Зачем Белоголовым пути в дру-

гие миры? Что ты, Камнеломка, как маленькая! Больше миров под контролем – больше власти, аксиома.

– Хуже, – ответил Темнодар на мой вопрос.

– Что может быть хуже боли?

– Камнеломке лучше не знать.

Боль. Читая нивикийские художественные книги, я не раз встречала сюжеты, где героиня преодолевает козни врагов, проходя, в том числе, через пытки. Сами пытки подробно не описывались авторами никогда, и потому в голове отложились строчкой, что вот, героине пришлось плохо. Но теперь я соотнесла книжные строчки с собой.

И мне стало страшно. Так страшно, как я ещё никогда не боялась.

А Темнодар заявляет, что есть нечто похуже боли.

В клетке вместо привычной койки был лишь матрас, набитый, судя по всему, чем-то вроде соломы. Темнодар устроился на своём, закрыл глаза и задремал. Я же слегка попинала лежанку. Укладываться на неё, тем более, на ней спать, оказалось выше моих сил.

На стене, под потолком, я заметила узкое окошко. Из него тянуло сыростью и холодом, а ещё пробивался тревожный оранжевый свет уличного освещения. Допрыгнуть до глотка свободы я не смогла. Да и чем бы мне помогло, если бы

я сумела? Окно узкое, протиснуться в него невозможно. А снаружи поджидают беглецов всякие сюрпризы вроде зверей, натасканных ловить нарушителей без особой нежности. В одной из прочитанных нивикийских книг был и такой эпизод. Как одному чересчур умному сбежать не удалось...

Я села под стеной с окном, обхватила коленки руками. Замёрзнуть я не смогу, я же пирокинетик, я на снегу могу спать, если мороз не слишком сильный. А вот дальше что делать, я не знала.

Как вытащить из сердцевины Врат Равиой, и не дать ей истечь кровью из обрубленных стопы и кисти. Как разыскать Томпаля. Как вернуться обратно в пространство Федерации. Вопросы века.

Наверное, я задремала, потому что очнулась от резкого лязганья. Мою клетку отпирали двое подчинённых вчерашнего командира. Именно мою. Я быстро глянула в соседнюю клетку. Темнодар всё ещё спал.

Он не пошевелился, когда меня взяли под руки и грубо потащили вон.

Один из конвоиров вдруг шлёпнул меня ладонью пониже спины. И что-то сказал – я уже не услышала, что. Вся галактическая цивилизация рассыпалась прахом во мне в один миг. Меня накрыло брезгливостью, отвращением, яростью,

страхом, каким-то животным бешенством, какого я в себе до сих пор ещё не знала. Повода не было пережить!

Я ударила не глядя, головой назад и пяткой в колени. Вывернулась из цепких пальцев, два шага назад – лопатки упёрлись в стену.

– Не прикасаться! – резко бросила я возмущённым мерзавцам.

Их было двое. Двое других. Одного я узнала – он был с дамийком в пещере, откуда тот и привёл в подвал нас с Темнодаром. Именно ему я очень удачно попала в нос: он зажимал физиономию рукой и между пальцев капало вишнёвым. Если лапал меня он, поделом гаду наука.

Второй ринулся мстить за напарника, цедя сквозь зубы, как он меня сейчас разложит и что именно со мной сделает. Я не очень вслушивалась, в ушах звенело. Всё вылетело из головы, вся осторожность, весь страх, последние остатки разума.

Серия ударов, как учил Ан, последний с выхлестом паранормы – моего противника впечатало в стену, по ней он и сполз, мотая головой. Счастье, что голову не разнесло, пусть радуется! Кровь заливала ему лицо, но паранормальным восприятием я видела, что он жив и умирать не собирается. Второй встал в боевую стойку, кровь из носа у него ещё капала.

– Не приближаться, – велела я ему. – Не прикасаться! Нельзя трогать!

На моём кулаке вспыхнуло пламя. Родной огонь, я ему об-

радовалась было, а потом заметила, что он чёрный. Как будто живую плазму сверху посыпали пеплом. Дурное сравнение, но другого у меня не родилось.

– Стоять! – донёлся знакомый голос.

Дамийк явился. А от этого что ещё ждать? Хорошего ничего, Ликесса. Ты попала. Тебе конец. Сейчас тебя убьют и не спросят, как звали.

– В чём дело? Что происходит?

ГЛАВА 7

Я сжимала кулаки, с которых огромным усилием воли убрала огонь. Пламя не хотело униматься, контроль как-то совсем уже туго пошёл, как в детстве, когда я только училась владеть подаренной мне генетиками мощью.

А эти двое наперебой взялись рассказывать, какая я сволочь. Точнее, говорил один. Второй держался ладонями за голову и тихонько выл, не пытаясь подняться с пола, а дамийк, между прочим, не спешил звать к нему врача. Что вселило в меня некоторую надежду на прощение.

В Нивикии уважали силу. Я помнила страницы прочитанных книг, не только художественных. Если кто-то продолжал драться даже тогда, когда смерть становилась единственным итогом битвы, к нему могли проявить снисхождение.

Дамийк обратил на меня немигающий взгляд.

– Молчание – не всегда золото, – предупредил он с отчётливой угрозой в голосе.

– Нельзя прикасаться, – повторила я. – Нельзя трогать. Трогавший – получил по делу. Полезет ещё – получит ещё.

Дамийк с минуту рассматривал побитых и меня. Сначала на них посмотрит, а они притихли, между прочим. Зыркали с ненавистью, но молчали. А потом на меня. Меня начало потряхивать от бешеного офицерского взгляда, и вообще пошёл откат от драки. И вернулся голод.

Сколько я нормально не ела? Дня два? Может, три. Лупоглазые лягушки не в счёт. Есть хотелось нестерпимо.

– Сюда, – велел мне дамийк, приняв наконец-то решение.

На подчинённых он даже не посмотрел. Я пошла, куда мне сказали. Оказалась в гнусной глухой комнате с зарешёченными узкими окнами наверху. Низкий столик на гнутых ножках – вот и вся мебель. Офицер устроился за столом, мне велел сесть напротив.

Затаил он на меня зло за то, что побила его людей, или же нет? Как жаль, что пирокинез не совместим с телепатией! Я села так, чтобы можно было легко вскочить, если вдруг что. Я была полна яростной решимости драться до последнего.

– Имя, – спросил дамийк в своей манере, резко и грубо.

Но я к нему уже немного привыкла, вдобавок, он негласно поддержал меня в конфликте с его подручными. Видать, знал что-то про них, что помешало ему обидеться за своих.

– Камнеломка из Аркатама.

– Это прозвище, – отмёл он сходу.

Умный или телепат? Или, что ещё хуже, умный телепат. С телепатами ничего, кроме честности и правды не прокатывает, с детства знаю.

– Ликесса Ламберт-Балина, – назвала я своё имя, и удивилась тому, что прозвучало оно как-то странно.

По-чужому прозвучало. Как будто относилось не ко мне. Я успела привыкнуть к тому, что Темнодар зовёт меня Камнеломкой...

А сколько дней прошло после того, как я провалилась во Врата? Не больше трёх.

Но как будто непроницаемая стена отделила меня-прежнюю от нынешней. Настолько, что имя, данное мне при рождении, уже как бы недействовало. Не отражало меня-настоящую. Вот Камнеломка – да. А Ликесса – уже нет.

Всей своей паранормой я ощущала, что в такой перемене имён что-то есть. Но что именно, кто бы мне рассказал! Врата словно сломали во мне что-то, а потом пересобрали из обломков новое и выдали мне же самой обратно: на, пользуйся, и не благодари.

Ликессу дамийк ожидаемо не произнёс, а я не стала настаивать. И тут в дело влез Уголок.

Где он был во время драки, не знаю. Где-то же был! Я о нём напрочь забыла, и тут, как говорится, нас не ждали, а мы прилетели. Кристалл вывернулся у меня из-под локтя, встал на столик на оба свои конца, углом вверх. Смотрелось очень агрессивно, и я на всякий случай ухватила его за ближний ко мне край.

– Сидеть! Извинения, дамийк. Уши пусть пропустят сказанное для другого.

Выворачивать мысли на нивикийский лад не с книгами и не с такими же нивгороворящими до сих пор удавалось с большим трудом. О, если бы господин офицер заговорил на эсперанто!

И ещё одна проблема в полный рост: как мне здесь все

остальные языки не забыть, кроме собственно нивийского. Ни книг ведь нет, ничего нет.

О чём я думаю! Вот как прикажет уважаемый господин офицер отрубить мне голову! И что я сделаю?

– Разумное? – уточнили статус кристалла.

Ещё какое, подумалось мне. Только разум там совсем нечеловеческий. Потому что основа существования совсем другая, не белковая.

– Брат Камнеломки, – заявила я. – Уголок.

И тут же от кристалла пошла упругая волна признания и любви. Он улёгся на стол и подsunул верхний угол мне под ладонь. Прохладное ровное ощущение, вроде камень под пальцами, и в то же время, живое существо. Странное, непонятное, опасное, но – живое, и в сознании.

– Люди бывают разного образа, – помолчав, сказал дамийк. – Но подобное Тихоречка видит впервые.

Я изумилась имени, которое мне сейчас назвали. Да уж, речка из господина офицера такая «тихая», что лучше сразу застрелиться, не дожидаясь, когда она сама до тебя доберётся!

– Кто в клетке? Тоже брат?

– Тоже брат, – подтвердила я.

Я не собиралась бросать Темнодара! Ни при каких обстоятельствах. Но, опять же, прозвучавшее слово – признание родства! – упало в колодец, откуда его уже не достать. Снова это грозное напряжение паранормы, не просто принявшей к

сведению сказанное, но совершившей некую работу. Слишком уж знакомо было ощущение паранормального выброса! Как при огне, только без огня.

Наверное, здесь, из-за проклятущих битых Врат, существует какое-то паранормальное поле, распространённое на всю планету или, возьмём выше, на всю планетарную локаль. И оно вот так реагирует. Взаимодействует со всем живым, и со мной в особенности, потому что я... Стерегущий? Меня окатило жутью.

Куда я попала? В какой мир перенесли меня Врата? Где я?!

Ответов не было, как не было и надежды. Никто не спасёт. Спасаться я должна сама. Вместе с Темнодаром и Уголком. И хорошо бы найти Томпаля, а так же вытащить из сердцевины отработавшего своё портала Равиой! В том, что там застряла именно она, я не сомневалась. Я знала.

Дамийк усмехнулся, внимательно подмечая всё, что отражалось на моём лице. Чёрт копытный! Если он ещё и телепат...

– Что Камнеломка с братьями собирается делать дальше?

Ах, ты ж, какой вопрос серьёзный! Я едва не ляпнула: «ничего, мне бы лишь обратно вернуться!» Это мечта, а не ответ...

– Камнеломка с братьями не собирается нарушать закон, – твёрдо ответила я и не отвела взгляда.

Зрачок у нивикийцев горизонтальный, как у старотерран-

ских коз. Из-за этого всегда голова слегка кружится, когда смотришь такому в глаза.

– Хорошо, – покивал мне дамийк с важным видом. – Закон нарушать нельзя.

Мне не понравилось выражение его лица. Какое-то слишком уж... Даже слов не подберу! Задумал пакость? Но что он может сделать нам такого, чего не сделали бы Белоголовые?

Если честно, дамийк пугал меня почти так же, как и Белоголовые. Он в городе власть, как и они власть там, у себя, в окрестностях своего храма, где я вывалилась из блуждающих Врат.

– Грамоту Камнеломка знает? – последовал очередной вопрос.

– Да, – ответила я уверенно.

Дамийк хмыкнул. Вытянул лист чистой бумаги, быстро и размашисто на ней что-то написал, затем развернул ко мне и подтолкнул пальцем:

– Пусть Камнеломка оставит подпись.

– А там что? – спросила я настороженно?

– Вид на жительство и подъёмная сотня, – усмехнулся копытный уголком рта.

Как мне его усмешка не понравилась! Таким тоном я бы сказала врагу: эмпат-ключ тебе к счёту, где энерго лежат, да ещё и аркадийский мёд ложкой... Если такого же рода шутка, то в бумаге может быть что угодно, и подпись ставить... ну как бы...

Я подвинула бумагу к себе ближе, отметила золотой срез – строго для официальных документов! – и прочитала не без труда, потому что дамийк писал отвратительно, в стиле «драниая щипаная птица лапой»:

– Казнить прибудыша Каменоломку образа тавконойса через отсековение головы и оставление без медицинской помощи.

Дата и залихватская завитушка, отражавшая имечко дамийка. Сияющий на холмах Град, матавийк Солнца, серебряное с синим отделение.

Серебряный с синим – всего лишь код, номер, если угодно, не из первых, иначе присутствовало бы слово золотой или, ещё выше, блистающий. Что Град Сияющий и так понятно – столица матавийка. А про матавийк Солнца чтоб я слышала, где это!

А потом в моё сознание вломилось вот это вот, про отсековение и оставление без помощи, знаете ли.

– За что?! – возмутилась я. – Что такого Камнеломка сделала?!

– Лишила глаза ценного сотрудника, – скалясь, отвечал дамийк.

– Ценный сотрудник схватил Камнеломку за задницу! – яростно завопила я. – Пусть радуется, что всего один глаз стал мёртвым, а не целая голова!

– Камнеломке настолько жаль свою задницу? – невинно усмехнулся дамийк.

– А дамийку свою было б не жалко? – разозлилась я.

– Оскорбление должностного лица при исполнении, – ласково напомнил он.

Что там насчёт чести и достоинства заключённых? Чёрные дыры в полосочку, я про приключения читала, а не своды законов!

– Нисколько, – ответила я, постаравшись унять хоть немного клокотавшее во мне бешенство. – Не оскорбление, а попытка показать ситуацию глазами Камнеломки. У Камнеломки есть муж, – память о Томпале и слово «муж» упали камнями в спокойную воду: паранормальное поле планеты снова зашевелилось, вбирая в себя мой выбор, мои слова и мою решимость. – Мужу – не жалко, всем остальным – очень даже жалко!

– Даже если Камнеломка потеряет жизнь? – с хищным блеском в глазах уточнил дамийк.

– Даже, – непреклонно ответила я. – Честь дороже жизни.

С чего вдруг из меня выскочила пафосная книжная фраза из нивикийских любовных романов, я не знала. Но она выскочила, и снова – кругами по воде пошли колебания. Я поняла, что так теперь и будет дальше.

За свою честь придётся драться, за попытку сального шлепка по попе, не говоря уже об изнасиловании, придётся бить на поражение, бить безжалостно, по науке брата Ана. Причём сразу, до (и, похоже, вместо!) того, как суетиться за-являть в полицию и составлять иск в нейросеть «Арбитраж».

Потерявший глаз подручный дамийка Тихоречки затаит на меня зло, однозначно. Ещё один враг вдобавок к Белоголовым и к тому мерзавцу, кого Томпаль лишил Имени. Прекрасно, просто чудесно. И поесть бы уже наконец!

Дамийк выдернул у меня из-под пальцев лист, изорвал его в клочья, ссыпал в металлическую корзину для мусора и кинул туда спичку. Вспыхнуло, наполнило всю комнату неприятным запахом горелой бумаги и погасло.

– Не будет казни? – изумилась я.

– Проверка пройдена, – сказал офицер. – Иные остолопы заявляют, что грамотные, а сами ни пса не разбираются в письменной речи. Но пусть

Камнеломка не радуется: на свободу не пойдёт. Отработать надо прежде, чем вид на проживание получать!

– Канализацию чистить? – вырвалось у меня по старой памяти, и тут же захлопнула рот, да слова уже улетели в пространство.

От голода и усталости я соображала хуже, чем мне хотелось бы. Вот зачем подала идею! Сейчас именно на очистные сооружения и направит в качестве помощника младшей ассенизаторской лопаты. У них тут технологии далеко не старотерранские, а значит, возиться с дерьмом придётся допотопными методами.

– Может, и канализацию, – милостиво покивал дамийк, поднимаясь. – Пусть Камнеломка идёт следом.

Я пошла, куда деваться. Смотрела в широкую спину ни-

викийского козла и мрачно думала о том, что сначала, наверное, всё же покормят прежде, чем приставлять к работе. Живот сводило до боли, так хотелось есть. Да даже жрать, я бы сказала!

Тихоречка привёл меня во внутренний двор. С трёх сторон высились мрачные здания с узкими окнами, в два этажа. Четвёртая обрывалась в пропасть. Бескрайнее море врывалось между нами и соседней горой, застроенной домами с синими и зелёными крышами едва ли не самую вершину. Солнечные блики яростно горели на волнах. После полумрака начальственного кабинета дневной свет ослепил, и проморгаться удалось не сразу.

А потом в уши ворвались звуки драки.

Как драки... Четверо рослых, с дубинками, копытных и один темнокожий человек – человек?! – просто и без затей убивали Темнодара. Тот, кого я недавно назвала братом, скалился в ответ и отбивался, ему дали палку, но – один против пятерых!

Измотанный множественными проходами через Врата!

– Сволочи! – закричала я, хватаясь за пояс, где висел у меня кругляш шеста.

Один. Второй я потеряла в горах при атаке Белоголовых. Дамийк жёстко придержал меня за плечо. Нападавшие

остановились, ждали указаний, но не расходились. Темнодар упёрся кулаком в землю. Выглядел он неважно, и на жёлтую плитку, которой вымощен был двор, падали капли тёмной крови...

– Жизнь можно выкупить в бою, – размеренно выговорил дамийк. – Камнеломка отстояла свои жизнь и задницу, – тут он усмехнулся ехидно, – но её второй брат должен доказать, что достоин того же не меньше.

– Камнеломка дралась с одним, а их тут пятеро! – крикнула я.

Я уже видела, что темнокожий человек не совсем человек. У него были слишком длинные глаза, накость от носа к вискам, внешние уголки выше внутренних. Это придавало лицу неприятную чуждость. Зато понятно, почему ко мне здесь в целом отнеслись спокойно!

Как я толком не различала расовые особенности нивикийцев, а ведь были же, наверняка, так и нивикийцам было без разницы, к одному биовиду я и тот тип принадлежим, или всё-таки к разным.

– Кому больше дано, с того больше будет спрошено, – непримиримым тоном ответил мне дамийк. – Второй брат Камнеломки бьётся лучше сестры.

– Не повод убивать! – яростно выкрикнула я.

– Камнеломка может помочь, – усмехнулся Тихоречка. –

В чём вопрос.

Я вспомнила распоряжение о собственной казни, которое

сама едва не подписала, себе же на беду. Вот и здесь наверняка было что-то подобное. Дамийк – урод. Любит развлекаться, как я посмотрю. Жаль, шестом по башке ему не заедешь: это не поможет спасти Темнодара!

– В чём подвох? – резко спросила я.

– Да, в общем-то, ни в чём, – мирно выговорил дамийк. – Просто из Круга, – он подчеркнул слово «круг» интонацией, – выйти можно всего лишь в двух случаях. Победителем. Или – вперёд ногами.

– Дамийк Тихоречка предлагает Камнеломке убить его сотрудников?! – не поверила я. – А как же предложение казни за выбитый глаз одному из них?

Свежеиспечённого одноглазого, ясное дело, нигде было не видать. В больничку отправили, надо думать.

– Где Камнеломка видит сотрудников? – с презрением поинтересовался дамийк.

– А... а... – наверное, лицо у меня получилось очень уж дурным, отчего нивикиец коротко рассмеялся.

Смех у него вышел неприятным, лающим, не сулящим добра.

– Отребье, помилованное Сияющим Градом до смерти в бою, – пояснил Тихоречка. – Ничем не лучше выброшенных блуждающими Вратами проходимцев.

– Камнеломка и братья – не проходимцы! – резко заявила я.

Дамийк подался ко мне, я невольно попятилась, настолько

бешеным сделался вдруг его взгляд:

– Аркатама не существует уже очень давно, – сказал он, будто плюнул. – Камнеломка посмела трепать поганым языком сияющие пространства Вечности!

Ой-й, я задела местную религию, оказывается! Всего лишь тем, что говорила правду о своём происхождении. Мне стало нехорошо.

– Но Камнеломке совершенно необязательно выручать второго брата, – дамийк взял себя в руки. – Жизнь Камнеломки выкуплена. Брат пускай бьётся сам.

– Да пошёл ты! – от избытка чувств я перешла на эсперанто, затем исправилась: – Камнеломка не бросает братьев!

Я дёрнула с пояса кругляш шеста и прыгнула в Круг.

– Камнеломка дура, – сообщил Темнодар очевидное.

– Темнодар не умнее, – огрызнулась я.

Палка и тренировочный шест против пяти негодяев. Жадные до крови зрители: я заметила, что за нами следил не один Тихоречка. Весь его департамент или как он тут назывался, серебряный с синим, высыпал полюбоваться кровавым зрелищем. Двое проходимцев из блуждающих Врат против пяти приговорённых к смерти висельников.

Среди зрителей я вдруг заметила чудо. Очень знакомое мне лицо, знакомое до дрожи, до боли, до потери сознания.

Да нет, невозможно, невероятно, не может быть!

Томпаль?!

ГЛ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.